

Искорка

АПРЕЛЬ

1968

год издания XII

газета
«Искорка» —
орган
Ленинградского
Обкома и
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

Б. РАЕВСКИЙ

ЧЕТЫРЕ СТРАНИЧКИ

Мне хочется рассказать вам, ребята, четыре короткие истории. Это как бы четыре отдельные странички, четыре крохотные сценки из жизни замечательной революционерки Надежды Константиновны Крупской — жены Владимира Ильича, его первого помощника.

Лампа с зелёным абажуром

Владимира Ильича выслали в Сибирь, в Шушенское. А вскоре сослали и Надежду Константиновну.

Собираясь в путь, Надежда Константиновна думала: «Что отвезти Владимиру Ильичу?»

Ну, во-первых, конечно — книги. Ведь Владимир Ильич и в ссылке много писал, а для работы нужны книги. Много книг. Во-вторых, тёплую одежду. И по хозяйству

всякие необходимые вещи. А что ещё?

Задумалась Надежда Константиновна. Прикрыла глаза, представила себе лютую сибирскую зиму, долгие зимние вечера, заметённую снегом избу. А в избе за грубо сколоченным столом сидит Ильич, пишет.

И вдруг Надежда Константиновна подумала: «А как же он пишет? В полумраке-то?»

В те времена электричества в Сибири ещё не было. И освещались избы где керосином, а где и вовсе лучиной.

Надежда Константиновна вспомнила, как любил Владимир Ильич долгими вечерами заниматься около яркой

лампы с зелёным абажуром.

И тут же решила: «Отвезу-ка я в Шушенское лампу. Большую. С зелёным абажуром. Да, это будет самый лучший подарок».

Товарищи стали отговаривать Надежду Константиновну:

— Ну как ты повезёшь в такую даль лампу со стеклянным абажуром?! Непременно разобьёшь в дороге. Ведь до Шушенского — почти четыре тысячи километров.

Но Надежда Константиновна упрямо качнула головой и сказала:

— Постараюсь!

И поехала. Долго-долго, целых три недели добиралась до Шушенского.

Сперва — на поезде. Он тащился медленно. Подолгу стоял на каждой станции, на каждом полустанке. На ходу старенький вагон вздрагивал, скрипел, а иногда словно бы даже подпрыгивал. Надежда Константиновна то и дело тревожно заглядывала под полку: там, на полу, в самом углу стояла лампа.

И вот — Красноярск. Тут пришлось задержаться. Дальше надо плыть на пароходе. Вверх по Енисею. А была весна. Река совсем недавно ото льда освободилась. Пароходы ещё не ходили.

Наконец появился первый пароход. В каюте Надежда Константиновна лампу поставила на столик, книгами её со всех сторон обложила. Чтобы, если качнёт, лампа не соскользнула на пол.

Плывёт пароход. И лампа плывёт. Покачивается.

Наконец выгрузилась Надежда Константиновна на пристани. Дальше надо — на лошадях.

Как пересела в тарантас, подумала: «Вот теперь — самая тряска. Неужели же я столько вёрст везла лампу, а теперь разобью?»

И решила она держать лампу в руках. Да, да, всю дорогу. А то — как тряхнёт! — абажур обязательно расколется.

Так и ехала. Долго. А лампу с зелёным абажуром всё в руках держала.

А дорога — не такая, как теперь. Не асфальтом крытая.

Едет Надежда Константиновна час. Едет другой. Едет третий.

Лампа сперва казалась не очень тяжёлой. Но с каждым часом всё весомей и весомей становилась. Прямо руки оттягивает. Будто не лампа, а пудовая гирия.

А дорога — то в горку, то — под горку. В гору — плохо. Тарантас с боку на бок кренится, кверху задирается. А под гору — и того хуже. Несутся лошади вскачь, даже дух захватывает. Тарантас подпрыгивает. И Надежда Константиновна подпрыгивает. И лампа у неё в руках так и прыгает, так и пляшет. И абажур стеклянный пляшет, дребезжит жалобно.

«Сейчас расколется», — ду-

мает Надежда Константиновна и ещё крепче держит лампу.

И всё же довезла её. Целёхонькую.

С тех пор каждый вечер загоралась в избе большая

керосиновая лампа с зелёным абажуром. И редкие прохожие, шагая по заваленной сугробами деревенской улице, видели, как допоздна сидит возле лампы Владимир Ильич и что-то пишет...

Отгрузите

меха...

Надежда Константиновна была секретарём «Искры».

В газету, в Лондон, со всех концов России шли письма. От революционеров, от рабочих. Каждый день — целая пачка. И на все эти письма отвечала Надежда Константиновна.

Одна. На все письма.

Если собрать эти её письма все вместе, наверное, в десяток больших мешков не влезут!

А ведь письма были не простые! Тайные письма! Хитрые!

Однажды в Пскове на почту заглянул жандарм. И показалось ему подозрительным письмо из Лондона. О чём это из Англии простому рабочему пишут?

Осторожно вскрыл жандарм конверт. Читает:

«Глубокоуважаемый Пётр Евдокимович! Спешу сообщить Вам, что, к великому сожалению, Ваш брат, Николай Евдокимович, серьёзно заболел. Врачи нашли у него воспаление лёгких и положили в больницу. Температура высокая — до 39 градусов...»

Прочитал жандарм, махнул рукой. Что тут интересного? Заболел кто-то? Ну, и ладно.

Велел жандарм снова аккуратно заклеить конверт и доставить по адресу.

И не знал жандарм, что

между строчек этого письма Надежда Константиновна написала другое, «тайное» письмо. И написала его другими, «тайными» чернилами.

Эти чернила не видны. Но если прогреть письмо над огнём — проступят невидимые прежде слова:

«Платок возьмите у дяденьки. А меха отгрузите Осипу и Пете...»

Впрочем, если бы жандарм даже пронюхал про «секрет» и нагрел письмо над свечой, всё равно ничего не понял бы.

А получит письмо революционер, сразу сообразит: «платок», ага! Это — поддельный паспорт. Взять его надо у революционерки Лидии Книпович по кличке «Дяденька».

А что это за «меха»? Откуда у революционера какие-то меха? Что он — купец?!

Да очень просто! Так называли запрещённые книги. «Отгрузите меха», — значит, передайте запрещённые книги. Кому? Осипу — то есть в Одессу. Пете — то есть в Полтаву.

А если было написано Терентию — значит, в Тверь, а Косте — значит, в Киев.

И вот сидит Надежда Константиновна до поздней ночи. Пишет шифрованные письма. Одному революционеру посоветует, где устроить тайный склад для «Искры», другому — как организовать побег из тюрьмы. Третьему — где взять деньги, чтобы купить печатный станок.

Ночь уже. Все спят кру-

гом. А Надежда Константиновна всё пишет и пишет.

Устала очень. И спина болит, и перо само из рук выскальзывает. А она всё пишет, пишет.

И долго в ночи светится маленькое окошко в одном из лондонских домов.

Далеко Лондон от России. И Надежда Константиновна далеко. И всё же для всех русских революционеров она — как боевой штаб. Через неё все держат связь друг с другом. Друг с другом и с Владимиром Ильичём.

А мы привыкли обедать на кухне...

Когда Советское правительство переехало из Петрограда в Москву, было решено, что Ленин будет жить в Кремле. Там оказалась подходящая квартира на третьем этаже.

И вот кто-то из хозяйственных работников, узнав, что в квартире будет жить сам вождь мирового пролетариата, решил не ударить лицом в грязь и как следует обставить квартиру.

Привезли туда изысканную у какого-то фабриканта мебель: полированные диваны, обитые голубым шёлком. На стенах повисли ковры, а сполка свешивалась огромная хрустальная люстра.

Когда всё было готово, Надежду Константиновну и Владимира Ильича пригласили посмотреть их новое жилище.

Приехали они и ахнули.

— Нет,— сказала Надежда Константиновна. — Это не годится. Фабриканту такая мебель, наверно, нравилась, а нам... — она покачала головой. — Мы привыкли жить просто.

И Владимир Ильич тоже сказал:

— Такая мебель нам ни к чему.

Ну, тут товарищ, который так роскошно обставил квар-

тиру, понял, что перестарался. За несколько дней всю мебель сменили: появились простые столы и стулья, простые тарелки и чашки.

А на кухне по просьбе Надежды Константиновны тоже поставили стол. Самый обыкновенный. И покрыли его клеёнкой. Белой с синей каёмкой.

— А к столу, пожалуйста, поставьте стулья,— попросила Надежда Константиновна.

— Зачем вам на кухне стулья? — спросили у неё.

— А мы тут обедать будем, — ответила Надежда Константиновна. — Мы привыкли обедать на кухне.

Штопанные чулки

Однажды в Москву приехал английский журналист. Это был очень важный журналист. Его статьи и очерки печатались в самых солидных английских газетах.

Этот журналист очень хотел встретиться с «первой леди» Советской страны. Так он называл Надежду Константиновну. У них, в Англии, так принято называть жену премьер-министра, самого главного министра. Ну, а «главным министром» в Советской России был Ленин.

И вот условились о встрече.

А это, ребята, было через несколько лет после революции. Времена были тяжёлые.

Не хватало продовольствия. И одежды. И топлива. И станков.

Английский журналист тщательно подготовился к встрече с «первой леди». Он обдумал все свои вопросы. Потом долго стоял перед зеркалом в тугоakraхмаленной сорочке. Галстук он заколол красивой золотой булавкой. Надел строгий костюм, сшитый у лучшего лондонского портного. Попрыскался одеколоном. И поехал.

Он ехал и думал — какая она, «первая леди» России?

Я уже говорил, что журналист был очень важный. Он видел многих королей и президентов и их жён. Жёны всегда красовались в изысканных туалетах, в дорогих мехах, и на шее, и на платье у них сверкали драгоценности.

Приехал журналист. Его провели к Крупской.

И тут он очень удивился. Так удивился, что даже забыл произнести отрепетированную дома короткую приветственную речь. «Первая леди» была в простеньком старом платье, тёмном, с длинными рукавами и наглухо закрытым воротником,

в тяжёлых ботинках с ушками и в штопанных чулках.

Какие уж там бриллианты! Какие меха!

«Похожа на учительницу, — растерянно подумал журналист. — Да, на пожилую сельскую учительницу».

У Крупской были гладко зачёсанные волосы. И даже губы — не накрашены...

Но больше всего журналиста поразили эти неуклюжие ботинки с ушками и штопанные чулки.

Он понимал — долго разглядывать ноги «первой леди» неудобно и невоспитанно, отводил глаза, но вскоре невольно вновь тянулся взглядом к этим грубым ботинкам.

...Через несколько недель журналист вернулся в Лондон.

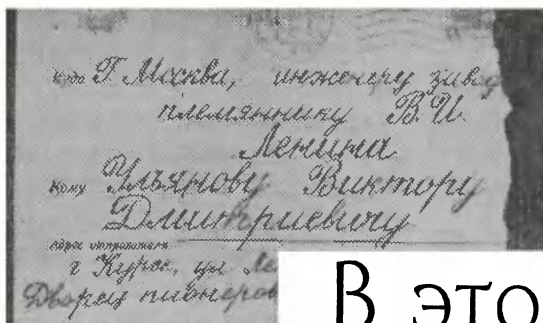
А вскоре Ленин прочитал в одной из английских газет статью: «Первая леди».

Журналист очень живо описывал Надежду Константиновну и, конечно, её простое платье, и ботинки с ушками, и штопанные чулки.

Ленин потом часто подтрунивал над Крупской.

— Да, Надя! Не вышла из тебя «первая леди»! — смеялся он.

Рис. В. Бескаравайного

В этом доме, в Москве, на Смоленской...

ДОМ-ТО, собственно, как дом — обыкновенный, не очень новый московский дом. Он стоит на Смоленской набережной и глядится в светлую синь Москвы-реки ничуть не горделивей, чем другие его многоэтажные соседи.

Но подходила я к этому дому с несказанным волнением. Ручаюсь, будь вы в ту минуту на моём месте, испытали бы то же самое. И вам бы показалось, что речной пароходик, летевший мимо, вдруг гуднул особенно весело и счастливо.

А я шла одна и радовалась, и волновалась, и вспоминала, как вчера с помощью московских журналистов отыскала наконец телефонный номер (а отыскать его было ой как непросто: он исключён из всех справочников — позже объясню, почему), как покрутила диск и в ответ услышала приветливый, быстрый говорок:

— Ну, какие тут могут быть церемонии! Конечно, приезжайте... Вернусь с работы и буду рад вас увидеть.. Вот адрес.

И решительно никаких ссылок на занятость или нездоровье. Между тем человеку, к которому я сейчас спешила, назавтра предстояло лечь в больницу: снова резко поднялось кровяное давление...

И вот — лестница в этом доме на Смоленской, дверь без всяких табличек, кнопка звонка, возле которой стою ещё с минуту, собираюсь, так сказать, с духом. Нажимаю... И через несколько секунд широкая твёрдая ладонь с сильными пальцами пожимает мою руку, и тот же весёлый, быстрый говорок, запомнившийся по телефону, приветствует:

— Входите, входите!.. — И продолжает кому-то в глубь квартиры: — Виктория, к нам гость! Из самого, понимаешь ли, из Ленинграда!..

Я догадываюсь уже здесь, на пороге, что Виктор Дмитриевич чуть-чуть подшучивает надо мной, над моим волнением, но шутка эта добрая, приглашающая незнакомого человека не стесняться, оставить робость и смущение... И Виктория Николаевна — высокая красивая женщина с очень решительной походкой — уже спешит на голос мужа:

— Раздевайтесь... Не замерзли? Похолодало нынче...

В общем, сразу становится ясно, что в этом доме даже незваного, случайного гостя привыкли встречать радушно, по-московски, как старого доброго знакомого...

Потом мы сидим в комнате, обставленной удобно и просто, где по стенам выстроились на полках книги, множество книг («Это моё увлечение, хобби, — скажет чуть позже Виктор Дмитриевич и посмеётся над самим собой. — Просто мания, да и только!»). А в другой комнате, куда распахнута дверь, виднеется старенькое пианино, на крышке которого поблёскивает в скупом солнечном лучике фотография. Эта фотография известна и вам, и мне, и всему миру: Владимир Ильич Ленин и Надежда Константиновна сидят на садовой скамье, мальчик и девочка с ними рядом... Поднимаюсь, подхожу к фотографии ближе...

Снимок, который бережно хранят не только в музеях, но и в семье Ульяновых. Рядом с Владимиром Ильичём — Витя Ульянов, на коленях у Надежды Константиновны — Витина подруга Вера. Фотография сделана в Горках, в 1922 году.

— Да, — просто говорит хозяин, подходя тоже, — этот мальчонка рядом с Владимиром Ильичём — я. Сейчас, как видите, стал постарше... Да ведь годы летят, что поделать...

Он смотрит на фотографию чуть задумчиво и пристально, словно вглядываясь в давным-давно отшумевшее время, в котором и дорогое лицо Ильича, и шелест листьев горкинского парка — живые, неумирающие, сегодняшние...

А годы-то и впрямь летят. В январе нынешнего года родному племяннику Ленина, сыну его младшего брата Дмитрия Ильича, Виктору Дмитриевичу Ульянову исполнился пятьдесят один год. Но, глядя на хозяина дома, с трудом веришь, что ему уже за полвека. Хоть и грузноват он, а в движениях всё же по-юношески лёгок. Крупная, с еле заметной проседью голова, добрая, открытая улыбка, — и глаза, глаза! — знакомые каждому из нас: с характерным для Ульяновых прищуром, уголки чуть приподняты к вискам.

Смеются сейчас эти глаза, как тогда, в первые минуты нашей встречи, приглашают собеседника быть самим собой, не скованным ни в душевных движениях, ни в расспросах, которых у меня впереди, конечно же, много. И я, пользуясь этим безмолвным разрешением, начинаю спрашивать. Сперва про самое главное: про то, что сохранила память былого мальчишки с фотографии об Ильиче.

Виктор Дмитриевич качает головой: с Лениным встретился он совсем малышом, а в год смерти Ильича Вите едва минуло семь лет. Так что помнит немного. Но то, что всё-таки запомнил, поселилось в сердце навсегда, как самое дорогое, как бесценное богатство.

ВОТ ОДНО — первое по времени воспоминание. Маленького Витю, рано лишившегося матери, забрала к себе, в Москву, сестра Владимира Ильича — Анна Ильинична Ульянова-Елизарова. В один из ближайших вечеров Ленин, усталый после забот и треволнений рабочего дня, пришёл из Кремля к сестре. А Витька, деревенский дикарёк, с перепугу перед незнакомым человеком возьми да и забейся в угол, за диван. Этот нехитрый манёвр Ильич разгадал сразу же и, громко смеясь, принялся выуживать мальчонку оттуда. Тот, сопя и кряхтя в своём углу, долго не поддавался ни на какие уговоры. И тогда Ленин тут же разузнал у Анны Ильиничны про одну Витькину слабость: очень любил тот петъ частушки и считал себя по этой части великим мастером. Председатель Совнаркома очень серьёзно стал упрашивать племянника исполнить что-нибудь на злобу дня. Мальчишка не устоял и выложил весь свой репертуар.

— Так за диваном и пели, Виктор Дмитриевич? — вместе с ним смеюсь я.

— Так за диваном и пел. Впрочем, нет. Где-то посредине концерта и сам не заметил, как стал оттуда высовываться: уж очень хорошо слушал Владимир Ильич — хохотал, аплодировал. В общем, познакомились. А к концу вечера меня уж и оттащить от него было невозможно — влюбился...

Он помнит не так уж мало, Виктор Дмитриевич, потому что годы детства, проведённые рядом с Лениным, были наполнены событиями, оставшимися в сердце на всю жизнь. Вместе с девочкой Верой, которая тоже считалась своей в доме Ульяновых-Елизаровых (она была из соседней многодетной семьи женщины-дворника) Витя только и ждал того вечернего часа, когда в дверь позвонит «дядя Володя». Ильич приходил из Кремля после работы — а были то годы двадцатые, тяжелейшие, — и всё же хватало у него сердца и времени для детей. Какой шум, смех и возня поднимались в квартире! Носились так, что стулья в стороны, стол — к дверям... Ну, а потом всем троим очень попадало за это от строгой тётки Ани — Анны Ильиничны.

Дядя Володя всю вину брал на себя; ну ему, значит, и попадало побольше... (подумать только, Виктор Дмитриевич может сказать о Ленине вот так: «дядя Володя»!..).

Каждый приезд Ильича к Ульяновым-Елизаровым был для ребятшек праздником.

А ещё, случалось, втроём грузили посылки, приходившие в адрес Ленина от разных людей из всех концов страны. Время было голодное, и Ильич пересылал эти посылки в детские дома.

— Разве забудешь, как Владимир Ильич рассказывал нам тогда про тяжёлую участь обездоленных ребят? Только что отгремела гражданская война, и страна не успела ещё залечить раны... У Веры в боях с беляками погиб отец, питерский рабочий. Сколько же было таких вот сирот на российской земле!..

Я слушаю рассказ Виктора Дмитриевича и забываю, что сижу в уютной московской квартире, и переносюсь из столицы в Горки, — в другой год, двадцать третий. То были дни совсем уж горестные: Ильич тяжело заболел, Вите и Вере удавалось видеть его, лишь когда санитар провозил Ленина в каталке по горкинскому парку.

Тогда, казалось, деревья шумели тише и птицы пели печальней, а Ленин только чуть улыбался ребятам краешком рта — большего не мог, был не в силах... И однажды обоим стало так тяжело, что решили они во что бы то ни стало рассмешить, развеселить дядю Володю.

— Значит, так, — сказал шестилетний Витя Вере, — мы построим на самой дороге у каталки песочные кораблики, а она к-а-а-к наедет на них, а они к-а-а-к рассыпятся, а дядя Володя к-а-а-к засмеётся — это будет правильно!

Грандиозный этот замысел понравился обоим, песочную эскадру соорудили вовремя. Показалась каталка... Заметив ребячье сооружение, Ильич сделал какой-то знак санитару, и тот бережно объехал корабли, ничего не задев... Очень огорчились тогда Витя с Верой, но, только став взрослыми, поняли, почему Ильич поступил так: берёт их труд.

Он помнит, Виктор Дмитриевич, самые последние месяцы жизни величайшего из людей, когда-либо шагавших по нашей земле.

— Я готовился тогда поступать в школу. Захватил с собой тетради, в которых уже выводил первые буквы, думал: покажу их дяде Володе, вот обрадуется... Владимир Ильич посмотрел и впрямь обрадовался. А потом показал мне свою тетрадку, в которой учился писать левой рукой, правая была парализована... Знаете, какие слова выведены в этой — последней, наверно, — ленинской тетради? «Мама. Папа»...

ТИХО в комнате. Догорающий за окном день уже давно погасил лучик на старой фотографии. Мы сидим некоторое время молча. Далёкое, ставшее в этот час близким, снова словно отодвигается вдаль... Как всё-таки хорошо, что память человека сохранила бесценные детали прошлого, лелеет их, бережёт в себе... Но нет, ведь не для одного себя сберёт эти воспоминания Виктор Дмитриевич, потому что всё, имеющее отношение к Ильичу, что хоть малейшей чёрточкой дорисовывает его портрет, безмерно дорого каждому — тебе, мне, миллионам...

Ну, а что же было позже с ним самим, Витей Ульяновым, племянником Ленина?

Он рассказывает и об этом. Вообще не в характере Виктора Дмитриевича жеманничать, отнекиваться, прятаться за ложную скромность: дескать, сам по себе я такой малюсенький, незначительный человек, что и рассказывать не о чем. Впрочем, присуще ему и другое: ни одной хоть какой-нибудь громкой нотки, ни малейшего ощу-

«Мы с дядей Володиёй — в Горках» — так комментирует этот снимок Виктор Дмитриевич Ульянов.

щения своей исключительности не уловила я в последующем нашем с ним разговоре.

Судьба его сложилась так. В конце двадцатых, в тридцатые годы — учился: в школе, затем в авиационном техникуме, в Высшем техническом училище имени Баумана. Как именно учился? Да хорошо. Неприлично ведь было учиться хуже, нося такую фамилию, не так ли? Жил по-прежнему в семье Ульяновых — у Марии Ильиничны и Надежды Константиновны Крупской. С женой и другом Ильича был до последних её дней. Всё, что осталось после её смерти в их скромной квартире, как достояние народное, было передано в музей. Оставили себе Виктор Дмитриевич и его жена лишь одну книгу Надежды Константиновны, подаренную ею с посвящением «милой Тусе» — Виктории Николаевне (я держала в руках эту книгу, и казалось, что ещё хранит она тепло пальцев, выводивших эту дарственную надпись...).

Самая младшая из нынешних Ульяновых — Наденька.

Ну, а чем занимается Виктор Дмитриевич сейчас? Каковы вообще они, ныне живущие наследники знаменитого рода, люди, которым выпало великое и гордое счастье быть родными по крови Ильичу? Словом, кто вы, какие вы нынче, как живёте, что делаете сегодня, дорогие товарищи Ульяновы?

— Какие? — переспрашивает Виктор Дмитриевич и, подумав, словно бы даже удивившись моему вопросу, отвечает:

— Да самые обыкновенные!

И испытующе, с некоторым даже озорством, смотрит на меня: неужели, мол, ожидала другого ответа? Семья как семья, старые москвичи — это верно. В своё время все учились, теперь все до одного (взрослые, разумеется) работают. Скажем, сестра, Ольга Дмитриевна Ульянова, — преподаватель Московского университета. Сам Виктор Дмитриевич — инженер одного из машиностроительных предприятий. Сколько лет на заводе? Пожалуй, с четверть века. Пришёл сюда технологом цеха, теперь — начальник заводской лаборатории. Коммунист? Безусловно.

Только сейчас, друзья, когда сижу с пером за этими строчками, я начинаю понимать, почему именно так рассказывал о себе Виктор Дмитриевич — в меру коротко и в меру подробно, не уничижаясь несколько, но и не рисуясь. Ведь дело-то в том, что он точно знает: интерес к нему и другим родственникам Владимира Ильича вызван прежде всего тем, что носят они священную для всех нас фамилию Ульяновых. И это родство, никоим образом не выделяя семью, живущую в доме на Смоленской набережной, из числа других граждан Советского Союза, тем не менее налагает на неё огромную обязанность. Какую? Быть достойной своей фамилии! А это достоинство заключается в себе и скромность — истинную, а не показную, — и простоту, и естественность, и кристальную честность — перед собой и перед другими. Словом, вот такая была передо мною эта семья — обыкновенная и в то же время необычная!

Вот представьте себе, что в разгар нашего разговора появилась на пороге тоненькая, стройная девушка и помахала рукой:

— Салют компании!
Это пришла Мария, дочь Виктора Дмитриевича и Виктории Николаевны. Заметив незнакомого человека, она чуть смутилась, встряхнула пышноволосой головой. А вскоре я с некоторым даже изумлением узнала, что этой девушке, с виду почти девочке, уже двадцать четыре года и она серьёзный научный работник, занимающийся важными исследованиями в лабораториях Института синтеза нефти Академии наук СССР. Добавьте к этому, что Мария Ульянова, внучатая племянница Ильича, — секретарь комсомольской организации.

На этой фотографии вы видите Виктора Дмитриевича, его дочь Машу и сына Владимира.

И ещё один Ульянов есть в этой семье — Владимир. Виктория Николаевна и Виктор Дмитриевич назвали своего первенца самым дорогим для них именем — именем Ильича. Чем же занимается сегодня человек, которого не по случайному совпадению зовут Владимир Ульянов? Ему сейчас двадцать семь лет, у него высшее физико-техническое образование, и работает он в Институте точной механики и вычислительной техники Академии наук СССР. Словом, и Маша, и Владимир активно действуют в главных науках века: одна — химик, другой — физик! И это, конечно же, тоже далеко не случайно...

Но Виктор Дмитриевич снова не оставляет мне времени для волнений и восторгов:
— Раз уж знакомиться, так знакомьтесь со всеми! — И представляет ещё одну Ульянову — Надежду Владимировну. Призвание её пока ещё не определилось. Володиной дочке, самой младшей в роду, всего пять лет, но увлечение у неё уже есть.
— Какое же? — спрашиваю, пока Наденька забирается на колени к деду.

— Разумеется, книги — как у всех нас. Маша же делит свою любовь между химией и поэзией. Ну, а Володя — прославленный в нашем семействе мотогонщик: исколесил на своей «Яве» пол-России.

Словом, опять всё обыкновенно — семья как семья.

А НЕ ТАК давно Виктор Дмитриевич с женой решили провести свой очередной отпуск в путешествии по Волге. Лето было слабое, белоснежная красавица «Даугава», мерно качаясь на волне, уходила всё дальше и дальше от московского берега. Люди общительные, приветливые и, что называется, компанейские, супруги Ульяновы быстро перезнакомились с пассажирами, разумеется, умолчав, из каких они Ульяновых... В приятных беседах время летело незаметно, путешественники любовались проплывавшей за бортом приволжской красотой... Как вдруг возле пристани в Ульяновске случилось непредвиденное. Теплоход ещё только швартовался, а на берегу работник местного музея пылко уговаривал вахтенного пропустить его к племяннику Ильича.

Вахтенный разводил руками — не знаю, мол, такого; пассажиры

недоумевали тоже, музейный работник негодовал: «Как же вы не знаете, кого везёте!» И неизвестно, какие бы размеры принял этот напряжённый спор, если бы Виктор Дмитриевич, смущаясь под удивленными взглядами, не сбежал вниз по сходням. Его и Викторю Николаевну повезли по городу, по священным ленинским местам. Когда же путешественники вернулись к пароходу, оказалось, что набережная запружена народом. Виктору Дмитриевичу жали руки, он попал в чьи-то объятия, растерянный и бесконечно взволнованный... Теперь, после Ульяновска, толпы встречающих стояли уже на всех пристанях...

Искорка гигантского костра, ответ великого пламени — всенародной любви к Ленину — вот что горело, не сгорая, во время тех волжских встреч.

Или возьмите хотя бы письма, которые в доме Ульяновых уже некуда складывать. Люди, приславшие эти письма, конечно, направляли бы их Ильичу, будь он жив. А сейчас они пишут тем, кто, по мысли народной, должен унаследовать хоть частичку его души.

В этих письмах — безмерная любовь к Ленину, вера в него, память о нём. В этих письмах меньше всего просьб и ходатайств. Чаще всего — размышления о жизни, доверительные исповеди, что ли. И ещё — просто слова приветия или пожелания доброго здоровья. А адрес, порой, обозначают вот так: «Москва, племяннику Ленина Виктору Дмитриевичу Ульянову» — как это сделали ребята-пионеры из Курска. Дошло письмо. Потому что, конечно же, никакой почтальон не успокоится, покуда не доставит конверт с адресом, где есть имя Ленина, к месту назначения...

Вообще из-за этого необозримого количества писем здесь, в доме на Смоленской, много радости, но немало и хлопот. Долгими субботними вечерами, а иногда захватив полночи у воскресенья, вся семья садится за обеденный стол и пишет ответы. И словно сотни людей, незнакомых, но дорогих, приходят сюда и садятся рядом, и слушают добрые слова Ульяновых, и уходят ещё лучше, душевней, чем были.

Иногда за столом идут серьёзнейшие совещания: ну что, например, ответить научному работнику на его двадцать пять дотошных вопросов — целую анкету? А шахматисты из Ленинграда однажды пожелали узнать, не играл ли Ильич в четверные (что за штука-то?) шахматы? И Виктор Дмитриевич самым усердным образом наводил необходимые справки.

Но больше всего «достаётся» Ульяновым от ребят. Красные следопыты из самых разных уголков страны разведали-таки (что укроется от их зоркого глаза?), где живёт Виктор Дмитриевич, и волну за волной шлют свои послания «в Москву, племяннику Ленина». И получают ответы. Потому что как же, к примеру, не откликнуться на синенький конверт, прилетевший с далёкого Таймыра, из села Курейки, где нет ни больших музеев, ни больших библиотек? А ребята создают там свой школьный музей и спрашивают совета, как это лучше сделать...

Вдруг, через месяц, новое письмо. Несчастье стряслось в Курейке — сгорела школа. И Виктор Дмитриевич, перечитав снова листок с каракулями, отложил его в сторону и стал собирать ребятам посылку. В ней была и бумага, и книги из той самой домашней библиотеки, которую так бережно собирают Ульяновы, и редкие ленинские фотографии и документы, какие не в каждом-то большом музее сыщешь. Будет у ребят новая школа, лучше прежней, — это уж непременно; будет и свой отличный музей.

МНОГОЕ ещё есть в моём блокноте, о чём я не успела вам рассказать. О людях, приезжающих в Москву по своим делам да и заворачивающих просто так, «на огонёк», в дом на Смоленской, чтобы сказать живущим здесь доброе слово привета. Про иные встречи, когда приходится Виктору Дмитриевичу и всей его семье вмешиваться в трудное, хлопотное дело, чтоб помочь человеку. Но это, наверно, второстепенное. («Кто у нас в России друг дружке не помогает, экая невидаль!» — сказал Виктор Дмитриевич так просто, что, послушавшись его, опускаю сейчас эти записи.)

Но об одном в заключение всё же ещё упомяну. Выше я говорила, что телефон Ульяновых удалось узнать лишь после долгих и трудных поисков. Исключён он из всех справочников. Кем? Да товарищами из телефонной сети. Один из них мне так и объяснил:

— Укажи мы этот номер — и пойдут по нему непрерывные звонки. Ни сна в доме не будет, ни отдыха. А Ульяновых у нас немного, побережём их покой.

Вот так и сказал: «...побережём покой Ульяновых». И так же подумалось мне, когда, распрощавшись с ними, шагала опять по набережной Москвы-реки и другой пароходик, пробегая мимо, снова взволнованно задержал свой бег...

ТЕПЕРЬ понимаете, друзья, почему я была так счастлива, когда шла в этот дом на Смоленской набережной? Очень мне повезло. И рассказала я вам, наверное, больше того, чем должна была рассказать — даже назвала адреса. Но помните, как сказал тот человек: «Побережём покой Ульяновых»...

Олег ШЕСТИНСКИЙ

ФУТБОЛИСТ

Как только стаял снег последний,
в пыли районных пустырей
вел мяч известный полусредний,
гроза дворовых вратарей.
Он бил из положений всяких,
и звали, верно, оттого
болельщики «душой атаки»
на нашей улице его.
А мать встречала недовольно,
когда с игры являлся он,

и славою его футбольной учитель не был покорен. Бранил и ставил двойки твёрдо и был к его ответам строг, и оставался лучший форвард на дополнительный урок. И он наедине с собою решил, над алгеброй корпя, что можно вынести любое, когда уже нашёл себя.

ПОДСНЕЖНИКИ

Рис. В. Бескаравайного

ПОДСЛЕДСТВЕННЫЕ

На полустанке никакой платформы не было. Поезд здесь стоял всего полминуты.

Отец прыгнул с высокой подножки вагона и помог спуститься матери. Федька с Карпухой съехали вниз на руках по отполированным скользким поручням.

Паровоз с коротким составом потащился дальше — к Питеру.

Когда проехал последний вагон, мальчишки увидели на другой стороне пути двух матросов. Они с каким-то злым любопытством смотрели на отца. Мать заметила недобрый огонёк в их глазах.

— Идёмте скорей! — сказала она и быстро засемила по

шпалам к будке, у которой виднелся переезд через железную дорогу.

Мать была низенького роста, полная, крепкая. Ходила она легко: не шла, а катилась, быстро помахивая руками.

Отец, высокий и сутулый, тяжело тронулся за ней. Он заметно приволакивал левую ногу, шагал редко и широко.

— Приехали, так не торопитесь! — с усмешкой произнёс один из матросов. — Познакомимся!

Оба матроса перешли через рельсы и преградили дорогу. Матери пришлось остановиться.

— Чего привязались?

Отец взял её за локоть, отодвинул назад.

— Не горячись. Может, дело какое... Чего, братки, надо?

Передний матрос поманил его пальцем:

— Подойди-ка поближе.

— Не ходи! — крикнула мать.

Отец не послушался — прихрамывая, подошёл вплотную к матросам.

— Давно хромаешь? — спросил тот, что постарше.

— С девятнадцатого.

— Документов, ясно дело, нет?

— Какие документы... Погорельцы мы. Штанов запасных не осталось... Имеется бумаженция про ногу. Хотите?

Отец вытащил из кармана испачканную, мятую справку о ранении. Матрос не взял её и снова усмехнулся:

— Обеднел? На хорошую фальшивку денег не хватило?

— Путаешь ты что-то, — спокойно сказал отец. — Бумага неказистая на вид, а подлинная.

— Ясно дело! Подлинная! — матрос подмигнул своему товарищу. — Погляди-ка, нет ли у них чего другого.

Второй матрос, молодой, коренастый, быстро обшарил отца, шагнул к матери, протянул руки к карманам вязаной кофты и тут же отшатнулся, получив увесистую пощёчину.

Федька с Карпухой захохотали. Уж они-то знали руку матери. На щеке матроса разгоралось алое пятно. Он стоял в нерешительности и моргал глазами.

— Ловка больно!.. А ну как я приложу?

— Попробуй!

— Ладно, оставь её! — сказал старший матрос, сдерживая улыбку. — Вон у того шкета посмотри.

В кармане у Федьки лежал игрушечный пистолет. «Глазастый! — с уважением подумал мальчишка. — Сразу приметил!»

Молодой матрос вывернул Федькин карман и несколько раз подбросил на ладони деревянную игрушку.

— Хорошо!

— Давай меняться? — предложил Федька и цапнул матроса за кобуру.

Тот поспешно отпихнул руку мальчишки.

— Ну и семейка! — не вытерпев, рассмеялся старший матрос. — Отдай ему пушку. Пошли!

— Куда это? — на высокой ноте спросила мать и подбоченилась.

Старший матрос в упор глянул на неё:

— Позабавилась — и хватит! Язык, а особо руки держи на привязи. Пошли!

Мать знала, когда нужно уступить. Она не сказала больше ни слова.

Всю семью под конвоем провели мимо будки, из которой выглядывал с любопытством и сожалением старик железнодорожник.

— Никак нас заарестовали? — озорно сказал Федька. — Во здóрово!

Карпуха оглянулся на заднего матроса:

— Мы что — арестанты?

Матрос не ответил. Тогда Федька направил на него игрушечный пистолет:

— Говори!

— Отберу! — пригрозил матрос.

— Попробуй! — подражая крикливому голосу матери, ответил Федька и попросил похорошему: — Ну скажи! Что тебе — жалко?

— Вы подследственные.

Карпуха недоуменно и разочарованно посмотрел на брата:

— Чего это он болтнул?

— Откуда я знаю!

Карпуха повернулся к матросу и показал ему язык.

— Сам ты п-последственный!

За железнодорожной будкой в тупичке стояла ручная дрезина.

— Полезайте! — приказал старший матрос.

Федька присвистнул от радостного удивления. Мальчишки мигом вскочили на деревянную платформу. На такой машине они ещё никогда в жизни не катались.

— Куда вы нас тащите? — спросил отец. — Разобрались бы на месте.

— Прекратите!

Вшестером было трудно уместиться на маленькой дрезине. Расселись кое-как. Матросы сбросили бушлаты и взялись за рукоятки привода. Один толкнул рукоятку вниз, у другого рукоятка пошла вверх. Потом наоборот. Так качают воду ручным насосом.

Дрезина двинулась, но очень медленно.

— Быстрее! Быстрее! — прикрикнул Федька и начал командовать: — Раз-два! Раз-два!

Матросы молчали. Дрезина доехала до стрелки, вышла на основную колею и, постепенно набирая скорость, помчалась к Петрограду.

Дорога шла лесом. Осень уже проредила листву и желтила её. Порывистый ветер с Балтики гнал через рельсы опавшие листья. Изредка деревья расступались. На прогалине показывались и уносились назад деревянные домишки. Многие были заколочены. На окнах и дверях чернели скрещённые доски. Эти кресты вычёркивали дом из списка живых. Война, голод и разруха выгнали людей из родных мест. И над многими хозяевами заколоченных домов тоже где-то стояли кресты.

Мальчишек не смущали следы трудного времени.

— Даёшь Питер! — крикнул от восторга Федька, когда дрезина, преодолев подъём, ринулась вниз.

Чаше затарахтели колёса. Платформу стало подкидывать на стыках.

Карпуха ущипнул брата и глазами указал на бушлат. Федька взглянул и в изумлении пощёлкал языком. Из кармана торчала граната-лимонка. С каждым разом, когда дрезину подбрасывало на стыке, граната всё больше и больше высовывалась из кармана. Федька подцепил бушлат ногой и подтащил его к себе. Рука сама потянулась к гранате, и тяжё-

лая рубчатая лимонка очутилась в Федыкиных пальцах.

— Положь назад! — раздался строгий голос матери.

Матросы посмотрели на мальчишек. Младший выругался, бросил рукоятку и, круто повернувшись, выхватил у Федыки гранату.

— Ух, сорванец!

Он вытер рукавом тельняшки мокрый лоб.

— Испугался! — ухмыльнулся Федька. — А ещё матрос!

Спуск кончился. Опять начался некрутой подъём. Дрезина пошла медленнее. На спине старшего матроса проступило сырое пятно.

— Давай подменю? — предложил отец.

Матрос ещё раз десять назвал на рукоятку — видимо, раздумывая: соглашаться или нет — и наконец кивнул головой.

— Валяй.

Младший матрос краешком глаза покосился на мать. Она поняла этот взгляд.

— Не жди! Я тебе не бабтрачка!.. Взяли — ну и везите! Ещё и обратно повезёте!

— Ты нас попроси! — сказал Федька и, не дождавшись ответа, взялся за рукоятку справа от матроса.

Карпуха подошёл слева. Теперь они втроём нажимали на рычаг, а отец был напротив. Когда они выпрямлялись, отец наклонялся. Потом он стоял прямо, а они кланялись ему. Встретившись с отцом взглядом, Федька улыбнулся:

— Молимся, как в церкви!

— Если до Питера, то до кровавых мозолей домолимся! — отозвался отец.

— До Ораниенбаума, — сказал старший матрос.

— Ну-у! — недовольно протянул Федька.

Мальчишки знали, что до него не больше десяти километров.

В ОРАНИЕНБАУМЕ

Ораниенбаумская ЧК размещалась в каменном доме на первом этаже. Одна комната служила камерой предварительного заключения, в двух других работали сотрудники. А четвёртую, самую маленькую, занимал Василий Крутогоров, рабочий Обуховского завода. Ему поручили руководить чекистами в Ораниенбауме.

Работа была незнакомая. Сам Крутогоров считал, что он совсем не подходит к этому тонкому делу. Какой из него начальник чекистов?

Хлопот хватало. Ораниенбаум в военном отношении место бойкое. Тут и форты, и до Кронштадта рукой подать. Приходилось и дворцы охранять, со спекулянтами, с самогонщиками бороться, и — главным образом — очищать от тайных врагов сухопутные и морские подступы к Красному Питеру. А попробуй-ка разберись, кто друг, а кто недруг!

В столе у Крутогорова в папке особо важных дел лежала секретная бумага, в которой сообщалось о Самсонове — садовнике с Елагина острова в Петрограде.

Был садовник на подозрении у питерских чекистов. Когда с ним захотели познакомиться поближе, он скрылся с женой и двумя приёмными сыновьями. Среди примет отмечалось, что садовник прихрамывает. Высказывалось предположение, что он не уедет далеко от Петрограда, а постарается осесть где-нибудь на побережье Финского залива.

Вот почему с таким вниманием выслушал Крутогорov доклад старшего матроса о задержании на полустанке четырёх подозрительных лиц.

— Давай их сюда! — потребовал Крутогорov.

Матрос потоптался на месте.

— Понимаешь, Василий Васильевич... Если не то — не взыщи! Похоже очень — и

четверо, и хромает он. Вначале, как увидел их, я бы голову отдал — он, и всё! А потом...

— Что потом?

— Не то как-то... Баба лютует... А парень один — бесёнок настоящий! И второй тоже... Если что, разве б они так в чека ехали? А тут — чуть не с песнями!

— Давай, давай этих весельчаков! — повторил Крутогорov. — Личина — она разная бывает.

Их ввели — всех четверых вместе. Они полукругом встали у стола. Оба матроса — сзади. Крутогорov по очереди оглядел семейство, начиная с отца.

— Любуйся, да побыстрей! — сказала мать. — Через

полчаса — обратный поезд, а потом только завтра. Ночевать тут мы не собираемся!

— Надо будет — заночуем! — ответил Крутогоров и встал, с шумом отодвинув стул.

— К-р-р-р! — раздалось в комнате.

Это резкое металлическое карканье заставило Крутогорова вздрогнуть. У Карпухи из-за пазухи выглянул клюв и сердитый глаз молодого ворона.

— Это он в парке подобрал, когда вели сюда. Подбитый воронёнок, — смущённо объяснил старший матрос. — Мы уж не стали отнимать...

Крутогоров заинтересовался, потянулся пальцами к оттопыренной Карпухиной рубашке.

— Не тронь! — буркнул Федька и, защищая младшего брата, выставил деревянный пистолет.

Крутогоров отвёл руку, произнёс неопределённо:

— Дела-а!.. Семейка!.. Глаза выключот!

Помолчав, он неожиданно спросил у Карпухи:

— Отец-то у тебя родной?

— А что? — усмехнулся мальчишка. — Бывают двоюродные?

Молодой матрос, сдерживая смех, прижал ко рту ладонь. Старший сердито подтолкнул его локтём. Крутогорову и самому стало смешно. Он уже чувствовал, что произошла ошибка: матросы задержали не тех, кого надо. Чтобы окончательно удостовериться в этом, Крутогоров решил всё-таки подождать до утра. За

это время можно было получить из Петрограда семейную фотографию Самсоновых. О том, что она имеется, сообщалось в той же секретной бумаге, которая хранилась в папке особо важных дел.

Крутогоров задал ещё несколько вопросов, взял у отца справку из госпиталя и приказал матросам запереть всю семью в камеру предварительного заключения.

Их повели по коридору. Каркал ворон. Федька стрелял в окна из пистолета. Мать бранилась вовсю. Она замолчала только тогда, когда за ними закрылась дверь и старший матрос задвинул снаружи заставы.

В камере был настил, сколоченный из грубых досок, — нечто вроде нар человек на шесть. На окне — решётка. В двери ничем не закрытая квадратная дыра.

Мать и отец присели на нары.

— Всё из-за тебя!.. — сказал отец. — Из-за языка твоего!

— Из-за ноги твоей укороченной! — ответила мать. — Что я не видела, как они на хромую твою пялились?.. Угрозило тебя на пулю наткнуться!

— Сразу видно — баба! — рассердился отец. — На пулю не натыкаются, она сама тебя находит. Знал бы — я б её за версту обошёл!

— Не обошёл — вот и сиди! А на язык мой нечего кивать!

Ребята не слушали, о чём

толкуют отец с матерью: обычная перепалка из тех, которые возникали часто, но всегда кончались миром.

Сначала ребята устроили гнездо ворону. Строительный материал был под рукой — в головах на нарах лежала солома. Из неё они и сделали мягкое гнёздышко. Ворон каркал, цеплялся клювом за рубаху — не хотел покидать тёплое местечко на груди у Карпухи. А когда его всё же посадили в соломенное гнездо, он успокоился, поджал подбитую лапку и принялся чистить левое крыло, на котором виднелась запёкшаяся кровь. Карпуха накрыл гнездо кепкой и подошёл к брату, стоявшему у зарешёченного окна.

Они по одному подтянулись на руках и выглянули во двор. Снаружи уже темнело. Недалеко от окна виднелся часовой с винтовкой.

— Бах! Бах! — выстрелил в него Фёдька.

Часовой не услышал — рама за решёткой была двойная, с толстыми стёклами.

От окна мальчишки перешли к двери.

— Куда? — предостерегающе спросил отец.

— Оставь их! — вмешалась мать. — Лучше думай, где лошадь взять!

— Лошадь не придумаешь!

Мать повысила голос:

— А голова на что?

— Да я тебе говорю: хоть пять голов — лошадь не придумаешь!

— Как твоя — и тысячи мало!

— Своей и придумывай!

А ребята обследовали дверь. Фёдька посмотрел в дырку налево, направо. Никого. Пусто в коридоре.

— Подсади-ка! — попросил он брата.

Карпухе было на два года меньше, чем Фёдке, но братья во всём старались держаться наравне. Так уж они договорились между собой, чтоб никому не было обидно. Карпуха присел на корточки, а старший брат встал ему на плечи и, засунув руку в дырку, обшарил дверь с той стороны. Когда его пальцы нащупали засов, в коридоре послышались голоса. Фёдька быстро прыгнул с Карпухи и оттащил его от двери.

В дырке появились глаза и нос молодого матроса.

— Эй, смертники! Принимайте! — сказал он.

— Сам ты смертник несчастный! — крикнула мать. — Мало я тебе всыпала?

В дырке показались две кружки с кипятком. Братья взяли их и поставили на нары. Матрос подал ещё две кружки и четыре куса хлеба.

— Гони пятаю! — потребовал Фёдька.

— Какую пятаю? — удивился матрос.

— На вóрона!

Матрос спросил серьёзно:

— А на мышей не надо? Их тут полно!

— Гони, а то орать будем! — пригрозил Фёдька и в самом деле заорал, будто его режут.

Заорал и Карпуха. Не пере-

ставая кричать, оба брата вдобавок забарабанили в дверь руками и ногами. Матрос что-то говорил им в дырку, потом исчез и быстро вернулся с пятой кружкой и куском хлеба. Мальчишки взяли то и другое и только тогда закрыли рты.

— А ворон-то чаю не пьёт! — засмеялся Фёдка.

Обозлённый матрос чертыхнулся и заткнул дырку какой-то тряпицей.

После еды мать и отец растянулись на нарах. Легли и мальчишки. Всё равно делать было нечего — в камере стало темно. Фёдка сразу затих, а Карпуха ворочался с боку на бок и долго слушал, как отец с матерью обсуждают будущее житьё-бытьё. Непредвиденная и неприятная задержка мало их беспокоила. Больше всего они думали о том, как устроятся на новом месте. Они снова говорили о лошади, о хлебе, об огороде. Карпуха уснул, так и не дождавшись конца этих разговоров.

Проснулся он оттого, что Фёдка зажал ему рот рукой и зашептал в самое ухо:

— Карпыш!.. Проснись, Карпыш!

— Чего?

— Тихо!.. Спускайся и иди к двери!

Карпуха, ничего не спрашивая, сполз с нар и, придерживаясь рукой за стену, прокрался в темноте к двери. Он не знал, что задумал старший брат. Но раз он просил, значит, нужно. Так бы поступил и Фёдка, если бы Карпуха придумал что-нибудь.

— Становись на карачки! — прошептал Фёдка. — Как тогда...

Забравшись на Карпуху, он вытащил из дыры тряпку и прислушался. Рядом за дверью кто-то сладко посапывал. Откуда-то сбоку лился неяркий свет керосиновой лампы. Она освещала вытянутые ноги в матросских ботинках.

Фёдка просунул руку в дырку и потихоньку отодвинул железный засов. С минуту стояли братья у двери, не решаясь открыть её. В доме было удивительно тихо, только сопел спящий матрос да возились мыши под полом.

— Куда пойдём? — чуть шевеля губами, спросил Карпуха.

— Не знаю, — признался Фёдка. — Куда-нибудь... Поглядим...

— Может, разбудить папку с мамкой? Удерём вместе! — предложил Карпуха.

— А чего удирать?.. Утром накормят и сами отпустят да ещё и доведут — мамка заставит!

— Ну, пошли?

— Пошли! — согласился Фёдка. — Только ты запомни: если он проснётся и сдуру стрелять начнёт — ложись на пол и не двигайся!

— Ладно.

Фёдка нажал на дверь плечом, и она беззвучно приоткрылась. Мальчишки выбрались в коридор. Молодой матрос спал на табуретке, прислонившись спиной к подоконнику. На стене висела лампа. Она освещала небольшой круг

перед камерой предварительного заключения. А дальше в коридоре было темным-темно.

Братья на цыпочках пошли вдоль стены в ту сторону, где находилась комната Крутогорова. Федька сделал шагов десять и неожиданно остановился. Ему показалось, что проснулся матрос. Карпуха натолкнулся на брата, и они оба оглянулись. Матрос спал. Он только подтянул под себя ноги.

Мальчишки пошли дальше. Они миновали две двери. У третьей Федька снова остановился и сказал брату:

— Тут нас допрашивали.

— А где он спит? — спросил Карпуха. — Здесь или дома?

— Кто?

— Да этот... Василий... как его... Васильич...

— Он начальник. Чего ему здесь спать? На перине небось дрыхнет! Думает — всё у него в порядке, а мы...

Федька прыснул со смеху и попятился, наступив Карпухе на ногу. Попятился он потому, что дверь вдруг щёлкнула и открылась. На пороге, освещённый сзади, стоял Крутогоров.

На несколько секунд ребята и он словно замерли. Они мол-

ча смотрели на него, а он — на них. Затем Крутогоров повернул голову влево — туда, где была камера, и увидел спавшего матроса.

— Дела-а-а! — протяжно произнёс Крутогоров и, отступив в комнату, сказал мальчишкам: — Заходите!

Братья успели опомниться и смело вошли. Карпуха прикрыл за собой дверь.

— Бежать собрались? — спросил Крутогоров.

— И не думали! — ответил Федька. — Просто интересно.

— Интересно?.. А я бы вот как пальнул в вас, — Крутого-

ров похлопал по большой деревянной колодке, висевшей у него на ремне, — было бы тогда интересно!

— А зачем палить? — спросил Карпуха.

— А со страху!

— Со страху? — переспросил Карпуха.

— А ты как думал?.. Не страшно, когда у тебя ночью за дверью кто-то шепчется?

— Труссы в чека не работают! — сказал Федька.

— Спасибо хоть за это!.. Ну и сорванцы же вы!.. Накормили вас?

— Это разве кормёжка? — презрительно скривил губы Федька.

— Сейчас я вас пирожными угощу! — усмехнулся Крутогоров.

— Тогда и не спрашивай! — отрезал Федька.

В коридоре послышался какой-то шум, лязг засова, топот ног. В комнату ворвался молодой матрос. Его взволнованное лицо стало совсем растерянным, когда он увидел мальчишек. Он промычал что-то невнятное, а Крутогоров сказал ему:

— Ты, товарищ Алтуфьев, сейчас пойдёшь к коменданту и скажешь, что я приказал арестовать тебя на трое суток... Кру-у-гом!

Матрос обжёг ребят злым взглядом и, чётко повернувшись, вышел из комнаты.

— Не стыдно? — укоризненно произнёс Крутогоров. — Из-за вас!

— Так и надо! — рассудительно сказал Карпуха. —

А если бы там настоящие гады сидели?

— Тогда бы он не заснул!

Мальчишки переглянулись и засмеялись. Федька хитро прищурился:

— Выходит, ты сам признал, что мы не гады?

— Ну, признал.

— Чего ж держишь?

— Для порядка. Утром пришлют один документик, я и отпущу вас.

— А может, мы торопимся! — сказал Карпуха. — Может, нам лошадь достать надо?

— Взял ба да помог! — добавил Федька. — Ты ведь тут небось самый главный!

Ребята распались и рассказали Крутогорову всё, о чём не раз толковали между собой отец с матерью.

— Дела-а! — выслушав их, произнёс Крутогоров. — Если туго станет, присылайте батю ко мне. Устрою на мельницу — всё посытней будет... А теперь — валяйте спать!

— Это как? — удивился Федька. — Сами? Без охраны?

— Что ты за цаца такая, чтоб тебя охранять! — пошутил Крутогоров.

К НОВОМУ МЕСТУ

Солнце ещё не взошло, а вся семья Дороховых вместе с Крутогоровым была уже на вокзале. Ждали товарного поезда. За пять минут до его прихода к платформе подъехал верхом на лошади старший матрос. Привязав коня к деревянному столбу, он откозырял

Крутогорову и коротко доложил:

— Ваше приказание выполнено!

— В третьем вагоне, — произнёс Крутогоров непонятную фразу.

Стараясь не смотреть на Дороховых, старший матрос пошёл к переднему концу платформы.

Оставшиеся молчали. Федька с Карпухой дулись на мать. Им здорово досталось от неё за ночную вылазку. Мать косилась на Крутогорова, но не говорила ни слова, потому что уже высказалась по дороге к вокзалу. А отец вообще был не очень разговорчив.

Поезд прибыл. Почти все двери — настежь. В вагонах пусто. В то время везти из Петрограда было нечего.

Подбежал дежурный по станции.

— Подожди! — сказал ему Крутогоров.

— Ты можешь ждать, сколько хочешь! — не вытерпела мать, — А нам ехать надо!

Сердито каркнул ворон из кепки, которую Карпуха бережно держал в руках.

— Подожди! — повторил Крутогоров.

Вскоре вернулся старший матрос с незнакомым человеком в кожанке. Крутогоров пожал ему руку, и они отошли от Дороховых. Незнакомец вытащил из кармана какую-то картонку. Они втроем сначала посмотрели на фотографию, потом на Дороховых. Старший матрос досадливо крикнул.

— Ты не смущайся, — сказал ему человек в кожанке. — Правильно поступили. А ошибку исправим! — Он подошёл к Дороховым: — Извините, товарищи!.. Пожалуйста — для вас любой вагон. Поезд остановится, где надо.

— Мне из твоего извинения шубу не шить! — огрызнулась мать, кивнула отцу головой и направилась к ближайшему вагону с открытой дверью.

Старший матрос зачем-то притащил большой деревянный щит и бросил его в тот же вагон. Потом он отвязал лошадь, заставил её подняться на платформу и ввёл в вагон.

— Это вам — от чекистов! — сказал Крутогоров. — Зовут Прошкой.

Он кивнул дежурному по станции. Тот ударил в привокзальный колокол. Паровоз откликнулся, и по составу прокатился грохот буферов.

— Спасибо! — растерянно крикнул отец.

— Спасибо, дядя Вася, — хором проорали мальчишки. — Приезжай к нам в гости!

А мать стояла у открытых дверей, и только глаза у неё становились теплее и теплее.

Паровоз — не дрезина. Дороховы ещё не со всех сторон успели оглядеть и огладить дарёного коня, как за открытой дверью промелькнул их полустанок. Мать так и ахнула.

— Куда же теперь, а? — всплеснула она руками. — Это что же они, разбойники, делают?

Машинист не мог слышать, как она ругала его и всю паро-

возную бригаду. И хорошо, что он не слышал, а то бы назло проехал мимо столба, у которого чекисты приказали остановить состав. Они знали, что от этого столба до деревни, куда добирались Дороховы, было ближе, чем от полустанка.

Машинист дал предупредительный гудок и плавно затормозил. Отец быстро спустил деревянный щит на насыпь, и послушный Прошка легко сошёл на землю. Для чекистского коня поездка в вагоне была привычным делом.

— Сгрузились? — долетел

от паровоза голос машиниста.

Мать махнула рукой — решила ехать. Она уже не сердилась, потому что поняла: деревня отсюда совсем рядом. Поезд отгремел колёсами, и Дороховы остались одни.

Солнце стояло ещё невысоко. Желтел лес на высоком холме справа. За этим холмом ветра почти не чувствовалось, но он дул, и довольно свежий. Из-за леса слышался монотонный рассыпчатый шорох волн. Плотная утрамбованная тропка бежала откуда-то из-за линии, пересекала железнодорожную

насыпь и, прорезав жухлую осеннюю траву луговины, устремлялась лесом к морю.

— За тем бугром и деревня, — сказала мать.

— Ты смотри — и седло не пожалели! — невпопад ответил отец, всё ещё любовавшийся конём.

— На что оно? — возразила мать. — Ты не казак!.. Лучше б оглобли и телегу!

— Больше ничего не надо? — спросил отец.

— Помолчал бы! — посоветовала мать.

Дороховы растянулись по тропе. Впереди мать. За ней отец вёл коня. Сзади — братья.

— Папка! А чего он пустой топает? — с намёком спросил Карпуха и шлёпнул лошадь по крупу.

Отец остановился, помог сыновьям. Карпуха с вороном в кепке влез на седло. Федька уселся прямо на широкой и тёплой спине Прошки.

(Продолжение следует)

*

Е. СЕРОВА

Земля и глобус

— Ты не вертись, Земля, постой,
Послушай мой совет.
Я — глобус, паренёк простой,
Но я же твой портрет.
Смотри, как смироно я стою:
На океанах — штиль,
На суше падает мою
Безвреднейшая пыль.
А ты живёшь, кипя, бурля —
Опасно, берегись!
Ты к звёздам тянешься, Земля, —
Смотри не обожгись!
Земля сказала:

— Труд не мал —
Вращаться день-деньской,
И мне немало причинял
Страданий род людской.

Но разве не опасно
Смотреть на всё бесстрастно?

Ведь так недолго обрасти
Корою ледяной!..
Мне, глобус, некогда, прости, —
Я говорю с Луной.

Лес очень любит тишину,
В нём пасмурно и тихо.
И только дятел о сосну
Вызванивает лихо.
Так добывает червяков
Лесной умелец этот.
И звери знают, что таков
Его рабочий метод.
И только старый бурундук,
Живущий на раките,
К двери бежит на этот стук
И говорит: «Войдите!»

По грибы старик собрался...

По грибы
Старик собрался,
А в грибах не разобрался...
Не запутаться дабы,
Взял он книжку про грибы.
Старичок сидел у ёлки,
По строке водил рукой...
А вокруг шептали волки:
— Ишь ты, грамотный какой!

Рыба-луна

Носится по морю
Рыба-луна.
Спутников ищет
Повсюду она.
Спутники были,
Но рыба-луна
Слопала всех
И осталась одна!

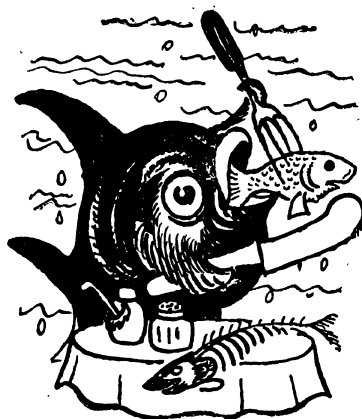

Рис. П. Вискова

Не хочу от вас уезжать

Валерий ВОСКОВОЙНИКОВ

ГЛАВЫ ИЗ ПОВЕСТИ

Я ЗНАЮ, многие мечтают о путешествиях. «Эх, путешественником бы стать», — слышал я сколько раз. А я не мечтаю. Мне эти путешествия надоели. Я всю жизнь только и путешествую. Ни в одном месте ещё не оставался надолго.

Я был в разных городах. В Москве — был, в Ленинграде — был, в Киеве — был. И в страны народной демократии ездил. Но об этом я рассказывать не люблю. Потому что сразу думают: вот расхвастался.

Тёти хотят отвезти меня скоро в деревню к дальним родственникам. Они говорят это, а сами меня жалеют: в деревню.

А я очень хочу в деревню. И чтоб надолго. И чтобы люди все были вокруг меня постоянные. А то не успеешь познакомиться — сразу уезжать.

Тёти думают, что у меня неплохие данные. Это о том, что я ни разу ещё не оставался на второй год. А цирковые многие остаются.

Я и правда — быстро всё запоминаю. Само получается.

Рис. В. Адаева

Уроков почти не делаю — только письменные.

Может, это в их время учиться было трудно. А сейчас в школах проходят одно и то же целые месяцы.

Уезжаешь, например, из Владивостока. Месяц вообще не учишься. Потом приезжаешь в Москву, а в школе всё то же местоимение проходят. Только учитель другой и ребята. А порядки и правила — одинаковые всюду. Даже названия у стенных газет одинаковые: «За отличную учёбу», «Ёж».

Из-за этих разъездов я до сих пор ещё не пионер. А я хочу носить галстук, как все. Хочу выполнять торжественное обещание. Отдавать салют и говорить «Всегда готов!», когда нужно.

Может быть, здесь меня примут?..

Через два дня кончается лето. Начнётся школа. Завтра мы пойдём в неё записываться.

У ДИРЕКТОРА школы были усы. Один ус у него был чёрный, а другой — весь почти седой. И от этого мне показалось сначала, что его лицо полосатое.

Но он был ничего, хороший, наверно, директор. Когда папа назвал нашу фамилию и ещё сказал, что работает в цирке, директор сразу заулыбался и встал.

— Знаю вас, знаю. Видел по телевизору.

А потом он долго решал, в какой класс меня посадить, потому что хотел в самый лучший.

А я всё думал, хоть бы он не спросил про галстук, хоть бы забыл. Но он всё-таки спросил. Посмотрел вокруг, поморщился и спросил.

А папа сразу заулыбался, схватил себя за уши и стал объяснять. Каждый раз эти объяснения! Что я не исключался, что меня просто ещё не приняли. Потому что мы ездим: три месяца тут, полгода там. Сколько раз уж объяснять приходилось, а всё равно противно.

Директор извинился и попросил папин паспорт.

Папа сразу вынул паспорт и ещё партийный билет.

ОЧЕНЬ я не люблю любопытных людей.

— Где ты живёшь? — спрашивают меня часто.

Будто они умрут, если не узнают мой точный адрес. А если я скажу, что в гостинице, эти любопытные люди прямо подсказывают от удивления и задают теперь уже сто вопросов.

— А почему в гостинице? А как? А где?

А я-то понимаю, что им совсем не обязательно это знать.

Или ещё:

— Денег твой отец много зарабатывает?

Я почти всё вру, если меня спрашивают.

— Где живу? Да так, далеко, — говорю я и машу рукой. — Кто отец? Да так, на заводе.

По-моему, человеку вообще нельзя задавать пустые вопросы. Нужно, чтобы человек сам захотел рассказать про себя. А это ещё заслужить надо, чтоб тебе все свои тайны доверили. А то, как зовут даже не знают, а сразу тайны выспрашивать.

Я всегда боюсь разных таких вопросов, когда прихожу в новый класс.

И сегодня утром я хотел специально идти тихим шагом, чтобы прийти прямо к звонку, но по дороге забыл, что спешить мне не надо, и пришёл всё-таки рано.

Я отыскал свой класс на третьем этаже и стал ходить по коридору около двери, а потом прислонился к окну, будто разглядываю, что там на улице.

В классе никто на меня не смотрел, все смотрели на двух

ребят, а те что-то рассказывали и махали руками. Рассказывал в основном один, а другой быстро повторял за ним:

— Тенц-бемц, и всё в порядке.

Потом зазвенел звонок. Все, кто был в коридоре, разбежались. Мимо меня быстро прошли учителя. Одна учительница вошла в мой класс и захлопнула дверь, а я всё стоял в коридоре около этой двери и не решался войти.

Вдруг учительница вышла снова, посмотрела на меня и сказала:

— Саша Карамзин, что же ты не в классе?

Я прямо вздрогнул, как она мне сказала.

— Это Саша Карамзин, — сказала она, когда я вошёл, — он будет сидеть... Ты хорошо видишь?

— Хорошо, — сказал я.

— Он будет сидеть с Корибициной.

И она показала моё место в конце колонки.

НА перемене к столу вышли двое ребят.

— Платите взносы в зелёный патруль, — сказал один.

— В красный крест и полумесяц тоже надо платить, — сказал другой.

Все стали к ним подходить, давать деньги и отмечаться в списках.

У меня были деньги на булочку, винегрет и чай. Я тоже подошёл к столу.

— А вступительные ты пла-

тил взносы? — спросили меня эти двое.

— Нет. Разве нужно ещё вступительные?

— Членский билет не потерял?

— Какой билет?

— Чего притворяешься? Не знаешь, что ли? Сначала надо, чтоб тебя приняли, а потом уже членские взносы.

И я вдруг испугался, что непионеры вообще не принимаются.

— Вы только пионеров принимаете?

— Конечно. А ты что, разве не пионер?

И они оба странно на меня посмотрели.

Хорошо, что загремел звонок, все побежали из коридора, толкая друг друга, а я пошёл быстрее к своей парте.

Все были заняты своими делами и разговорами. А я был один. В перемену стоял у окна. И мне было неудобно там стоять, потому что мне казалось, что все за мной наблюдают. Только в буфете в большую перемену мне стало легко. Там никто уж не знал, что я новенький. Все толкались, лезли без очереди, и я тоже начал толкаться, как все.

На последней перемене я сам подошёл к председателю совета отряда. Я уже знал, что его зовут Носовым.

— Когда у вас в пионеры принимать будут? — спросил я.

— Чего? — удивился Носов.

— В пионеры когда у вас приём?

— У нас все давно приняты, — он осмотрел меня со всех

сторон, — а ты разве не принял?

— Не успел, — вздохнул я.

— А я думал, ты просто галстук забыл. Может, тебя исключили?

— Не исключили. За что меня исключать?

— А чего же тогда в старой школе не приняли?

— Да мы всё ездим с папой.

— Я узнаю, спрошу пионервожатую, — сказал Носов.

На этом наш разговор кончился.

— **КАРАМЗИН**, — спросил меня утром Носов, — знаешь, что мы вчера обсуждали?

— Откуда я знаю? Нет, конечно.

— Тебе решили дать поручение. Ты себя проявишь, и мы примем тебя в пионеры.

— Какое поручение? — спросил я. А сам ужасно обрадовался. Потому что ни в одной школе у меня ещё поручений не было.

— Ты не думай. Мы б тебя и без поручений, но старшая пионервожатая говорит — надо. Нам-то поручений не было, когда принимали, потому что откуда столько поручений на все классы. А ты — один. Тебе и поручение — учёт вести.

— Какой учёт?

— Учёт отметок в своём звене. Каждый день передавать их Помещикову. А он в отряде учитывает.

— Хорошо.

— Ведомость знаешь как графить? Помещиков покажет.

В этот день наше звено по-

лучило две пятерки, две тройки и одну точку.

— Точку ты не ставь, — сказал Помещиков, — точку учитель для себя ставит. У разных учителей она разное обозначает: у кого — хорошее, у кого — плохое. И минус тоже не ставь. Минусы совет дружины у меня не принимает.

В ЭТОТ день ко мне подошёл учитель пения.

— Саша, как твой папа — здоров? Нога не беспокоит?

Я вздрогнул даже, потому что мало кто знал про папину сломанную ногу.

— Здоров, — ответил я, — спасибо.

— Привет ему передай.

Наверное, нужно было спросить, откуда он папу знает, но тут я увидел, что рядом стоят Чистяков с Четвериковым и всё слышат. Поэтому я снова сказал:

— Спасибо.

И всё.

А на перемене меня отвёл в сторону Носов.

— Слушай, — сказал он и внимательно на меня посмотрел.

И я уже почувствовал, о чём он меня сейчас спросит. Из всех сил делал вид, что и не подозреваю, а на самом деле почувствовал.

— Слушай, — спросил он, — ты не сын того Карамзина?

— Что ты, — сказал я, делая вид, что и дальше не понимаю, — тот Карамзин жил в прошлом веке, я знаю, он ещё «Бедную Лизу» написал.

Это я так всегда сбиваю

с толку спрашивающих. У меня руки даже задрожали от волнения — вдруг он сейчас всё поймёт. Или, быть может, уже знает. Всё знает, а спрашивает просто так — для подтверждения.

Он посмотрел на меня удивлённо и спросил:

— Какую Лизу? Я тебя про Карамзина спрашиваю, на афишах который, с пальцем — видел?

— Ах, на афишах. Он мне дальний родственник. Да-да, он даже в гости к нам приходил. — Вот как я придумал ему ответить.

— Я же говорил, что не сын, — обрадованно сказал Носов, — говорил же. Подслушают, а о чём и сами не знают, — добавил он про кого-то.

Но я не стал спрашивать, про кого.

— А то бы тебя быстро приняли. Дали бы поручение пригласить на сбор отца. Встреча с заслуженным артистом.

«Народным», — чуть не по-

правил я, потому что многие в этих званиях путаются.

— На сборе бы при отце торжественно приняли. А у тебя отец кто? — спросил он. — Военный, наверно?

— Да так, пусконаладчик, — махнул я рукой.

— Ясно, — сказал Носов. — Ну, ладно, — сказал он, чуть помолчав, — я пойду.

— Ладно, — ответил я, — я тоже пойду.

И мы разошлись в разные стороны.

— ПОШЛИ с нами, — сказали мне Чистяков и Четвериков, — погуляем.

Сегодня как раз папа и тётки меня не ждали, потому что с утра уехали в цирк репетировать новый номер, и я мог ходить весь день по городу.

— На трамвае мы не поедем, — сказал Чистяков, — не люблю я эту толкучку.

— Тенц-бемц, — сказал Четвериков.

И мы пошли пешком.

Мы долго ходили по улицам просто так, читали афиши, смотрели, как для нового моста забивают в реку сваи.

Потом, когда мы шли мимо одного двора, нас позвал человек в чёрной кожаной куртке.

— Вы не из этого двора? — спросил он.

— Нет, а что?

— Привёз вот саженцы, а сажать некому.

Во дворе стоял фургон. Рядом на земле лежали три маленьких голых дерева. Ещё были вырыты три ямы, наверно для этих деревьев.

— Если б я не задержался!.. — сказал шофёр в куртке. — А теперь футбол смотрят по телевизору. И лопаты бросили.

Шофёр постукал ногой по лопатам и пошёл искать дворника.

— А давайте посадим, пока он ходит, — сказал Чистяков.

Лопаты лежали рядом с деревьями.

Мы схватили деревья, поставили их в ямы и начали засыпать корни землёй. Каждый своё дерево.

— Вперёд! — закричал Чистяков.

— Вперёд! — закричал Четвериков. — Тенц-бемц!

— Вперёд! — закричал я.

Мы быстро засыпали корни землёй, а Чистяков даже сделал барьерчик из земли по кругу.

— Так всегда полагается, — сказал он.

Мы барьерчик сделать не успели, потому что показался шофёр, и за ним шли ещё люди.

Мы убежали за угол и стали ждать, что будет.

За шофёром шли дворничиха и два старика.

— На полчаса всего работы, — уговаривал стариков шофёр.

Они подошли к машине, и шофёр вдруг отбежал в сторону.

— Ты чего? — спросила дворничиха.

А шофёр, не отвечая, подбежал к кабине, открыл дверь и запустил мотор.

Старики и дворничиха сразу отскочили подальше. А шофёр гуднул один раз сигналом, выключил свой мотор и выпрыгнул из кабины.

— Украли, — сказал шофёр, — вчера чуть машину не увели, пока я квас пил, а сегодня — сажены.

— Да вот твои деревья, — показала дворничиха на наши деревья.

А мы выглядывали из-за угла и хохотали над шофёром, как он удивлялся.

— Не забудьте полить! — крикнул Чистяков.

— Из леечки! — крикнул Четвериков.

И мы побежали по улице.

НА большой перемене в класс вошла старшая пионервожатая.

Все уже повскакали, хотели разбежаться кто куда, но она загородила дверь.

— Носов, построь отряд на линейку.

Отряд выстроился тремя звеньями между колонок, а я стоял в стороне.

— Ребята, сегодня у вашего класса торжественный день, — начала старшая пионервожатая.

А мне захотелось вдруг улыбнуться. Может быть, потому, что это она про меня говорила, может, просто от радости, что наконец-то я вступаю.

— Саша, подойди сюда.

Я подошёл.

— Ты выучил слова торжественного обещания?

Ещё бы я их не выучил!.. Я их каждый день повторял по дороге в школу. И в гостинице повторял.

— Тогда говори за мной.

И она начала.

— Я, — сказала она.

— Я, — сказал я.

— Юный пионер, — сказала она.

— Юный пионер, — повторил за ней я.

У меня вдруг голос задрожал, так я разволновался, и колено затряслось на правой ноге, и все слова торжественного обещания забылись. Сам бы я сейчас ни одного слова не вспомнил, если б старшая пионервожатая вдруг замолчала. И на ребят я не смотрел, и вообще ничего в этот момент я не рассматривал, но почувствовал, что стало очень тихо, что все тоже стоят не шевелясь и молча волнуются.

Потом старшая пионервожатая повязала мне галстук.

— А теперь, — сказала она, — встань в строй своего звена.

И я встал.

МЫ хотим тебе дать поручение, — сказал Носов на другой день.

— Тоже с отметками?

— С отметками отменяется. Их всё равно Помещиков ставит. Ты пойдёшь к октябрятам.

— Хорошо.

— Вместо Коробициной, раз её нет. Проведёшь завтра сбор «Люби и знай родной край».

— Я же сам недавно приехал.

— Ничего. Это тебе первое пионерское поручение, так старшая пионервожатая сказала.

Я спросил про сбор Помещикова.

— Сбор — это ерунда на маргарине, — сказал Помещиков. — «Пионерский лекторий» читаешь в газете? Там про всё написано.

После уроков к нашему классу подошла незнакомая учительница.

— Ты Саша Карамзин? Завтра в нашем классе ты проведёшь сбор. Тебе сказали об этом?

— Сказали.

— Вот тебе вырезки. Почитай, поучи по плану. Завтра проверю.

Она дала мне пачку вырезанных газетных заметок, соединённых скрепкой, и листок с планом.

План был такой:

1. История родного края.

2. Родной край в годы войны.

3. Достопримечательности родного края.

4. Знаменитые люди о родном крае.

5. Будущее родного края.

Потом по этому плану я выучил наизусть все заметки.

Утром я подошёл к учительской, и учительница сразу вышла. Хорошо, что стоять там у дверей не пришлось. Я не люблю стоять около учительской, всё кажется, что учителя на тебя смотрят. Я даже когда мимо прохожу, опускаю голову.

— Ну расскажи, что ты выучил? — сказала учительница.

И я рассказал.

— Хорошо, очень хорошо, — хвалила она, пока я ей рассказывал.

Четвёртым уроком у нас была физкультура, и меня отпустили с неё на сбор.

На всех партах сидели малыши со звёздочками и смотрели на меня. Один даже привстал, чтоб лучше рассмотреть.

— Саша у вас будет вместо Марины, — сказала учительница, подводя меня к столу, — он расскажет вам про родной наш край.

— Наш край очень интересный, — начал я.

— Я выйду на минутку, — шепнула мне учительница и вышла.

— Его надо знать и... — тут я забыл слово. Мне всё напращивалось «уважать», но я понимал, что это не то, — ...и помнить, — сказал я.

— Какие ты книги читал о

родном крае? — спросил я мальчика в очках, сидевшего на первой парте и с виду очень умного.

Мальчик сразу вскочил.

— Мы не читали. Мы букву «фэ» проходили, — сказал он.

На средней колонке подняла руку девочка.

— Ты что хочешь? — спросил я. И девочка встала.

— А где Марина? — спросила она.

— Марина в больнице. У неё вырезают гланды.

На другой парте поднялись сразу две руки.

— Вы тоже спросить хотите?

— Почему Марины нет? — спросил один.

— Сегодня Марина будет? — спросил другой, одновременно с первым.

— Я же сказал, у Марины вырезают гланды в больнице. Чтоб не болела ангиной.

Тут поднял руку четвертый.

— Ты тоже про Марину?

— Можно выйти? — сказал он тихим голосом.

— Нельзя, — сказал я, — садись на место.

Он сел и сразу заплакал. Положил на парту руки, на руки — голову и тихо заплакал.

Я совсем растерялся и сказал:

— Ну иди, только быстрее.

И он сразу побежал из класса.

Больше руки не поднимались, и я стал рассказывать, что выучил о родном крае.

Вдруг я увидел, что на одной парте никого нет. Только что были, а уже нет.

— Где эти двое? — спросил я, не отходя от стола, потому что на столе у меня лежал план.

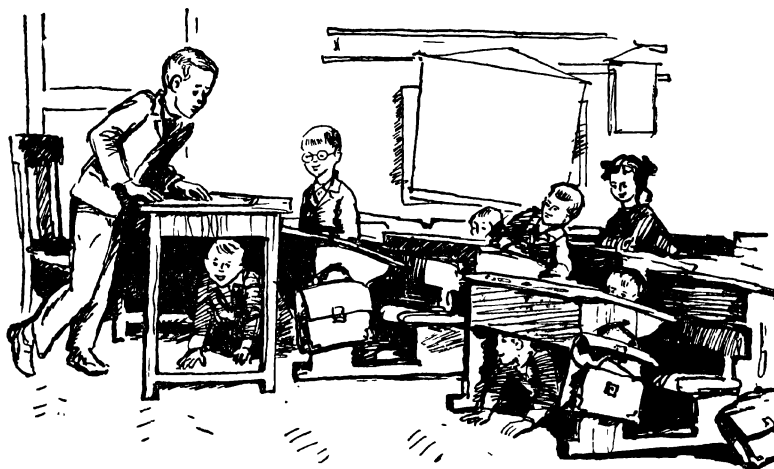
— Мы под партой сидим, — отозвались они.

— Давайте вылезайте.

— Они всегда под парту лазают, — сказала девочка, которая первой спросила про Марину.

— Хи-хи, — отозвались из-под парты.

И тут вдруг все полезли под свои парты. И даже тот умный

в очках уже выглядывал перед самым столом.

— Вылезайте, не то плохо будет, — сказал я.

— А вот и не вылезем, — пискнул кто-то.

— Мы тебя поборем, — сказал другой.

В самом деле поборют, если навалятся все вместе. Я уже видел раз, как они кинулись в коридоре на здорового семиклассника. Кто дёргал за ногу, кто за руку, и семиклассник упал, запутавшись в них.

— Слышите, вылезайте, — сказал я.

Я не знал, что теперь делать.

В это время в класс вошла учительница.

И сразу все оказались на своих местах, даже встали, когда она захлопнула дверь, и из-за её спины выглядывал тот, что просился выйти.

Стало тихо, и вдруг зазвенел звонок. Он звенел очень долго и противно. Уже хлопали двери, уже кто-то пробежал по коридору, и кто-то следом за ним, а звонок всё звенел.

Когда он замолчал, учительница спросила:

— Интересно рассказывал Саша?

И ребята тихо, на разные голоса ответили:

— Интересно...

— Плохо отвечаете, — сказала учительница. — Ну-ка, ещё раз. Интересно? — громко спросила она.

И класс дружно, в один голос сказал:

— Ин-те-рес-но!

А я ведь и не рассказывал ни-

чего. И мне поэтому было очень стыдно.

ЗА месяц у любого человека случается много событий. И у меня тоже случилось. Были события, которые мне приятно вспоминать каждый день, а были и другие, от которых стыдно становится, как их вспомнишь, и поэтому я стараюсь их не вспоминать.

Но самое главное — я стал пионером. Я носил галстук и в школе и на улице, будто нечаянно кончик его высовывал из-под пальто, и по гостинице я ходил в галстуке до самого вечера...

И вот я пришёл в последний раз в эту школу.

Я бы мог и не идти сегодня, а посмотреть, например, кино. Я про это думал по дороге.

Но всё-таки я пошёл.

Тяжёлые лохматые снежинки летели навстречу. Они сразу таяли на лице и на плечах. А некоторые снежинки влетали в рот и падали на язык.

Деревья около школы стояли совсем голые. Листья уже давно сгребли в большие кучи, и эти кучи дымили несколько дней, пока не сгорели до земли.

Скоро я буду в новой школе.

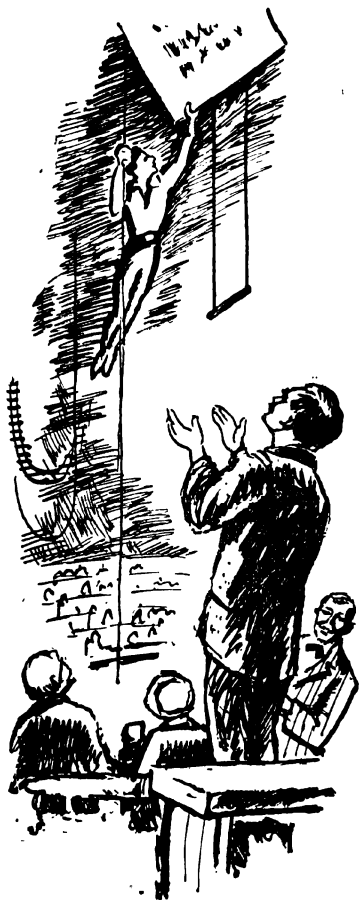
«Ты пионер?» — спросят меня.

«Пионер», — скажу я.

Даже и спрашивать не будут. Сразу увидят галстук.

В классе, как все эти дни, я сел за парту и стал слушать разные разговоры.

Вдруг ко мне подошёл Помещиков.

— Уезжаешь скоро? — спросил он.

— Послезавтра. А откуда ты знаешь?

— На афишах-то написано, — хмыкнул он.

Я сначала удивился, когда он мне сказал про афиши. Оказывается, он всё про меня знал. И весь класс, наверно, тоже знал.

— Куда поедете? — спросил Помещиков.

— В Москву, а потом в Монголию.

— Повезло, — сказал он и отошёл.

Он говорил со мной, будто давно всё про меня знал, будто я и не скрывался от класса.

— Пошли в буфет сосиски есть горячие, — сказали мне Чистяков и Четвериков.

И мы пошли в буфет.

— Тенц-бемц, — говорил по дороге Четвериков.

— Слушай, а ты чего врал, что в Америке не был? Ты ведь был в Америке? — спросил Чистяков.

— Был.

— А миллионеров видел?

Я хотел сказать, что ничего я почти не видел, потому что окно нашего гостиничного номера заслонял сорокаэтажный дом, и я видел только его коричневую стену. Но Чистякову я ответил:

— Конечно.

А на самом деле я простудился и, пока папа ездил в гастроли, лежал в номере и сосал лимоны.

Однажды мне перевели статью из газеты обо мне самом. В газете откуда-то узнали, сколько я вешу и какого я роста. Я потом проверялся — точно, не соврали. А ещё в этой газете я увидел фотографию папы под самым куполом цирка. У него в программе такого не было, и я удивился.

Оказывается, в каком-то американском городе перед началом представления выбежали на арену трое неизвестных людей и подняли на канате фанерный лозунг против нашей страны. Подняли — и убежали, хотя за ними погнался полицейский.

Тогда выбежал на арену папа и по этому же канату быстро забрался на самый верх. Все очень переживали, когда он лез, потому что канат был не для лазанья по нему, а просто — рабочий канат.

Папа забрался под купол, сдёрнул фанерный лозунг и сбросил его с высоты вниз. Ему за это долго аплодировали зрители. Они подумали, что весь этот опасный номер был заранее подготовлен коммунистическим цирком.

Но про это я рассказывать,

конечно, не стал. Потому что это с папой было, а я лежал в номере, сосал лимон и смотрел в коричневую стену дома, которая заслоняла окно.

— Ты пиши, передай привет монгольским школьникам, — сказал потом Носов.

И я решил, что обязательно напишу, конечно же напишу им прямо в школу.

И Носову напишу, и Чистякову, и Четверикову, и всему классу. Так и напишу на конверте: «Всему классу».

В. ФЕТИСОВ

Мой друг

*Лишь проснусь —
лохматый зверь
отворяет лапой дверь.
Лает, прыгает, урчит,
по стене хвостом стучит.
Тычет носом ласково,
не спуская глаз:
ты какие сласти, мол,
для меня припас?
— На — из супа кости!
На — мясной биток!
На — тебе за щёку
сахара кусок!
Сласти съел —
глядит опять:
а когда пойдём гулять?*

П О В Е С Т Ь

Параня Цитрамоновна подозрительно поглядывала за нами. Она, наверное, боялась, как бы мы что-нибудь не стибрили. На подоконниках, столах и тумбочках лежали разные интересные вещи. Но мы не замечали никаких интересных вещей. Мы не заметили даже ветрочёта, транзисторного радиоприёмника, величиной с портсигар, и толстенного перочинного ножа с десятком разных щипчиков, отверток и других шутовин.

— Знаете, ребята, — устало проговорила Параня Цитрамоновна, когда мы навели в гостинице порядок, — вы, конечно, люди хорошие и на ногу скорые. Только умаялась

я с вами, не приведи господи. И за какие это грехи мне наказание такое? Чего вам от меня нужно-то?

Мы сказали, что нам от неё ничего не нужно.

— Аспиды вы, — вздохнула Параня Цитрамоновна. — Что же вы хотите с меня сделать? Милиционера?

Она настаивала, чтобы мы без выкрутасов выложили ей, что нам от неё нужно.

Мы ничего не могли ей выложить. Мы клялись, что мы без всякого.

— А ну, шастайте тогда отседа! — рассердилась она. — Так я вам, тараканам, и поверила. Нечего тут. Шастайте.

Мы «ушастали» с обиженными лицами. Мы заявили Паране Цитрамоновне, что очень

Окончание. Начало в «Искорке» № 10 за 1967 г.

зря она так плохо думает о людях.

Когда на другой день мы заявили в холостяцкую гостиницу, Параня Цитрамоновна встретила нас уже не так настороженно. Вроде бы она даже чувствовала себя чуточку виноватой. А Кит еще принес ей почитать повесть Аркадия Гайдара «Тимур и его команда».

Мы и сами не ожидали, что повесть «Тимур и его команда» окажет на Параню Цитрамоновну такое волшебное действие. Через неделю мы были допущены драить полы в коттеджах начальника политотдела, командира полка и прочего высокого гарнизонного начальства.

Подполковник Серкиз жил в двухкомнатном домике. В одной комнате разместились у него спальня и кабинет. В другой — гостиная. И всюду кричали цветастые ковры — и на стенах, и на полу. Ковры были не то что над койкой Руслана Барханова. Ковры были толстые и богатые.

В спальне меня сразу потянул к себе письменный, полированный красный дерева, стол с двумя тумбами. Тумбы закрывались дверцами, из которых торчали ключи. Ключ торчал и в среднем ящике.

— Тут, — в первый же день шепнул я Китке. — Провалиться мне на этом месте, тут.

Я протирал письменный стол со всех сторон и чуть не облизывал его. Я гладил его холодные скользкие бока и

чувствовал, что нахожусь у цели.

Я ходил вокруг письменного стола, как кот вокруг масла. И всё время я чувствовал на себе настороженный взгляд Парани Цитрамоновны. В других домах я не чувствовал на себе такого взгляда, а здесь чувствовал. Видно, я вел себя в доме подполковника Серкиза не совсем осмотрительно.

Нужно было спешить. Письменный стол требовал немедленного вскрытия. Мы с Киткой разработали план дальнейших действий.

Параня Цитрамоновна жила в Сопушках. У неё там были взрослая дочь и трёхлетний внук Фёдор. Этот Фёдор гонял в резиновых сапогах по деревне, и между штанами и рубашкой, на круглом, как тыква, животе, у него торчал крепкий, величиной с хороший жёлудь, пуп. Параня Цитрамоновна души не чаяла в своём голопупом внуке и, возвращаясь в деревню, непременно тащила ему гостинец — то леденцов, то шоколадку, то какую-нибудь копеечную игрушку, купленную в нашем военторге. Вот на этом-то Фёдоре мы и решили построить наш план проникновения в письменный стол подполковника Серкиза.

Это была с блеском разработанная операция. Началась она с того, что в назначенный день Кит на уборку в холостяцкую гостиницу не явился. Я пожал плечами и объяснил Паране Цитрамоновне, что с человеком может случиться всякое.

— Может, ему нужно своей прабабушке горчишки поставить или ещё что, — сказал я.

Параню Цитрамоновну такой ответ удовлетворил. Она знала, что Киткина прабабушка больше всего на свете любит, чтобы ей ставили горчишки. Она любила горчишки даже больше, чем жареную треску и разноцветные картинки в журналах.

Мы навели с Параней Цитрамоновной порядок в холостяцкой гостинице и отправились по домам начальства.

Мы подметали, выгребали и протирали.

Когда мы пришли в дом подполковника Серкиза, Параня Цитрамоновна прежде всего распахнула все окна. Она была сама не своя без сквозняков. Я сбегал за водой и вытирал в гостиной пыль. Я нарочно не заходил в спальню, где стоял холодный полированный стол с тремя торчащими из него ключами.

На столе лежали две стопки книг, стояла похожая на гуся лампа и рядом с ней перекидной календарь, к которому не притрагивались уже около месяца, с того самого дня, как улетела на юг Серкизова жена.

Рядом с календарём отблескивал чёрными лаковыми боками телефонный аппарат. Он молчал. Я чувствовал этот аппарат затылком, спиной и плечами. Он давно уже должен был зазвенеть, но он молчал.

Когда он наконец ударил в свои колокола, у меня от неожиданности дрогнули коленки. Я вытирал тряпкой голую

бронзовую женщину, которая возвышалась на серванте рядом с хрустальной вазой и пробовала длинной ногой воду. Женщина качнулась и чуть не грохнула мне в объятия. В серванте обиженно запели рюмки.

Телефон грохотал не умолкая.

— Ну чего, чего? — заворчала Параня Цитрамоновна. — Послушай его, аспида. Кого им там?

— Зачем же нам слушать? — как можно равнодушнее проговорил я. — Это не нас, это Серкиза. А его всё равно дома нет.

Телефон передохнул и затарахтел снова. Нудный звон вытягивал из меня жилы. Наконец Параня Цитрамоновна не выдержала и подошла к письменному столу. Нагнув голову, она посмотрела на телефон с одной стороны, потом с другой и двумя пальцами подняла трубку.

— Нет их никого, — с ходу и не очень уверенно проговорила Параня Цитрамоновна и хотела было положить трубку обратно.

Я испугался, что она действительно её положит. Ведь на другом конце провода, осуществляя наш гениальный план, находился сейчас Кит. Он говорил из холостяцкой гостиницы. Он изменил голос и басом тараторил о том, что голопущий Федя подавился леденцом. Что леденец попал Феде в дыхательное горло и вообще.

Параня Цитрамоновна донесла трубку до аппарата, но

не положила её. В трубке настойчиво шипел и трещал голос. Параня Цитрамоновна сделала умное лицо и прижала трубку к уху.

— Что? — закричала она. — Чего? Ах ты господи, царица небесная!

Она испуганно опустила трубку на аппарат и заметалась по комнате.

Через минуту я остался в доме наедине с письменным столом, а Параня Цитрамоновна в хорошем темпе нажимала по дороге в Сопушки.

В ПУСТОЙ

Серкизовой квартире поскрипывали оконные рамы да пузырями надувались тюлевые гардины. Чужие вещи молча обступили

меня и ждали, что я стану делать. Бронзовая женщина на серванте стыдливо опустила голову. Размеренно и угрюмо помахивали маятником часы на стене.

Я шагнул к письменному столу. Сердце ошалело колотилось около горла и отдавало ударами в спину.

Ключ в среднем ящике повернулся легко. Я осторожно потянул ящик на себя и не поверил собственным глазам. Поверх кучи в беспорядке накиданных бумаг, записных книжек, почтовых открыток и тупых карандашей лежит портрет дяди Жориного отца. Это был тот самый портрет, что висел в комнате у дяди Жоры. Деревянная рамка, трещина в уголке стекла, по три кубика в петлицах у военного с чапачевскими усами.

Дрожащими пальцами я взял портрет и прижал его

ОТКУДА НА ЗЕМЛЕ ПОДЛОСТЬ

к груди. Я не мог допустить, чтобы портрет Горбовского лежал в столе у этого человека.

И в тот же момент сзади стукнула дверь.

Я оглянулся. На пороге с перчатками в руке стоял подполковник Серкиз. Его выпуклые глаза буравили меня недоуменным взглядом.

Портрет выпал у меня из рук, ударился об пол, и усагое лицо покрылось сетью серебряных трещин.

— Это ещё... что такое? — раздельно проговорил подполковник, и синие губы, дёргаясь, поползли у него к правой скуле.

Прижимая руки к груди, я попятился от стола. У меня, как всегда при встречах с Серкизом, отнялся язык и пропал голос.

— Мы... уборку, — пролепетал я, с ужасом чувствуя, что говорю совсем не то.

Действительно, какой мог быть разговор об уборке, когда в письменном столе торчал выдвинутый ящик, а на полу валялся портрет в деревянной

рамке? И почему вообще уборка? Почему вдруг я убираю квартиру подполковника Серкиза?

— Уборку... мы, — шёпотом повторил я, цепenea от стыда и страха.

Брезгливо дёргая ртом, подполковник взмахнул рукой, и кожаные перчатки хлестнули меня по лицу.

— Мерзавец! — выдавил подполковник. — Ворюга!

У меня горело лицо и тряслись ноги. Я прижался спиной к стене и ждал нового удара перчатками.

— Ворюга! — грохотал подполковник, хлопая ящиками стола и что-то кидая.

Щёлкали дверцы, звенел в серванте хрусталь, стучали по крашеным половицам ботинки.

— Мерзавец! Подлец! — ухало у меня в голове.

И неожиданно до меня со всей ясностью дошло, что вор — это я. Это я — мерзавец и ворюга. А он, подполковник Серкиз, — очень милый, честный и раззамечательный дяденька. Он ничего не украл и вообще не имеет никакого отношения к дяди Жорину отцу. Он не брал даже фотографии в деревянной рамке. Это она сама каким-то неизвестным образом очутилась тут. А он, подполковник Серкиз, — непревосходный дядя.

Не в силах оторвать глаз от пола, я собрался с духом и сказал:

— Я у вас ничего не взял. А вы сами... вор.

Наверное, последнее слово я произнёс слишком тихо. Он

не расслышал и раздражённо спросил:

— Что?

— Вор вы, — сказал я твёрже и посмотрел на подполковника.

Он сидел в кресле у письменного стола и непонимающе хлопал глазами.

— Вор! — отчаянно закричал я, смелая от его растерянности. — И ещё хуже, чем вор! Человека в гестапо пытали, а вы в это время его бумаги прикарманили. Мне дядя Жора всё рассказал. Всё! Вор вы! Вор! Вор!

Меня трясло в горячем ознобе, в какой-то дикой лихорадке. И я кричал и ничего не боялся. Я орал во всё горло, чтобы в распахнутые окна люди услышали, кто он такой, этот подполковник Серкиз.

Он смотрел на меня остановившимися глазами и молчал. Мне показалось даже, что лицо его как-то сразу осунулось. И уже не осталось в нём ничего страшного. А были лишь усталые глаза и совсем стариковские морщины на лбу, впалых щеках и шее.

— Сядь и замолчи, — приказал он.

Расстегнув крючки на тесном вороте кителя, он указал мне глазами на стул.

Я сел. Меня всё ещё трясло. Правое колено дёргалось так, что каблук отстукивал по полу дробь. Я его изо всех сил прижимал к полу, но он всё равно отстукивал.

— Так что же тебе рассказывал Переверзев? — спросил подполковник.

— Всё, — буркнул я.

— Что? Я слушаю.

Он смотрел на меня внимательно и спокойно. Он смотрел на меня даже слишком спокойно. У него была выдержка. И я понял, что всё пропало. Я проговорился, и теперь он эти бумаги ни за что в жизни не отдаст. Сожжёт их в печке, и иди докажи что-нибудь. Попробуй докажи, что это он приходил тогда в квартиру дяди Жориного отца, что он вообще знал про эти чертежи. Никому теперь ничего не докажешь.

— Так я слушаю тебя, — повторил подполковник и, дёрнув рукой, чтобы выскочили из-под рукава кителя часы, посмотрел, сколько времени.

Я упёрся взглядом в угол, где отстал от стены плинтус, и рассказывал. Я рассказал подполковнику обо всём, кроме дерматиновой папки, спрятанной под почтовым камнем на мысе Доброй Надежды. Ему совсем не нужно было знать про эту папку. Серкиз сидел сгорбившись и не спускал с меня рачьих глаз.

— А фамилию его отца ты знаешь? — спросил он.

— Знаю, — сказал я. — Горбовский.

— Горбовский, — задумчиво повторил подполковник. — Горбовский... А сын носил фамилию Переверзев. Вот как иногда поворачивается жизнь. Да.

Подполковник встал и прошёл из угла в угол по комнате. Взяв портрет с растрес-

кавшимся стеклом, проговорил:

— Георгий Георгиевич Горбовский...

Я с удивлением смотрел на Серкиза. Это уже был не тот начальник штаба, перед которым трепетал весь остров. Передо мной стоял усталый подполковник с мешками под глазами, с жилистой шеей и густо растущими из ушей волосами.

Сутулясь, он устало опустился в кресло у стола и заговорил:

— Послушай, Тимофей... Тебя ведь, кажется, Тимофеем зовут? Да? Послушай, Тимофей. Тех бумаг, о которых тебе рассказал Переверзев, я не брал. Странно вообще, что тебе взбрела в голову такая мысль. Но я действительно... как бы это тебе сказать?.. действительно хорошо знал Горбовского... Мы были с ним друзьями... Но я, вероятно, оказался очень плохим другом. Когда Георгий попал в плен и немцы сбросили к нам на аэродром листовки, я не сказал в его защиту ни слова. Я молча отрёкся от него. Я не верил, что он мог изменить, но молчал. Это очень трудно объяснить сейчас. Время тогда было такое... Сложное... Война... И вообще я, конечно, трусился, испугался за себя. Как же я просмотрел, что он за человек, мой друг? Почему он не застрелился? Он был обязан застрелиться. Каждый из нас, кто летал туда, хранил для себя заветную пулю. А что же он?.. Этими мыслями я, вероятно, пытался оправдать се-

бя, и моё выступление на собрании, и то, что не смог взять его сына. Чёрт знает, как всё запуталось тогда. Гошиного сына увезла какая-то совершенно посторонняя женщина. Полуграмотная нянька. А я даже к их дому не подошёл, чтобы взглянуть на мальчишку. Кто же знал тогда, что заветная пуля не пробила висок Горбовского только потому, что он попал в плен к фашистам без сознания.

Часы на стене зашипели и отозвались коротким хриплым звоном. Стрелки показывали половину двенадцатого.

— Вообще я давно убедился, что большинство подлостей на земле происходит по вине трусов, — глухо произнёс подполковник. — Или с молчаливого согласия трусов.

Он снова заходил из угла в угол. А я как-то сразу поверил в то, о чём он рассказал. Так не врут. Конечно, он просто трус. Орёт на других, а сам трус. И не только трус. Он ещё и...

Я хотел ему сказать, кто он ещё кроме труса. Но мне вдруг почему-то стало жалко его. Сам не знаю, откуда у меня такое появилось. Даже удивительно. И тут ещё телефон зазвонил. И я подумал: не Кит ли там снова решил позвонить и узнать, как у меня дела? Мы с ним договорились, что он будет ждать меня с бумагами на мысе Доброй Надежды. С бумагами! Плакали теперь наши бумаги.

— Да, — сказал подполковник в трубку. — Что? Почему

вы не выполнили приказание? Какие ещё блоки? Какие блоки, чёрт вас задери?! А своя голова у вас на плечах есть?

Он мгновенно снова превратился в обычного Серкиза, и у меня по привычке что-то робко трепыхнулось в груди. Трепыхнулось и затихло. Нет, я уже не боялся подполковника. Боятся того, чего не знают. А я теперь знал Серкиза насквозь и даже глубже.

— Меня не интересует, что вы там думаете! — грохотал он в телефонную трубку. — Но если через два часа вы не доложите мне о выполнении приказа, пеняйте на себя!

Он швырнул трубку на рычаги и застегнул ворот кителя. Я понял, что ему нужно уходить, и поднялся. Мне было даже немножечко смешно, что он строит из себя такого грозного. Я знал, что никогда в жизни не испугаюсь теперь Серкиза.

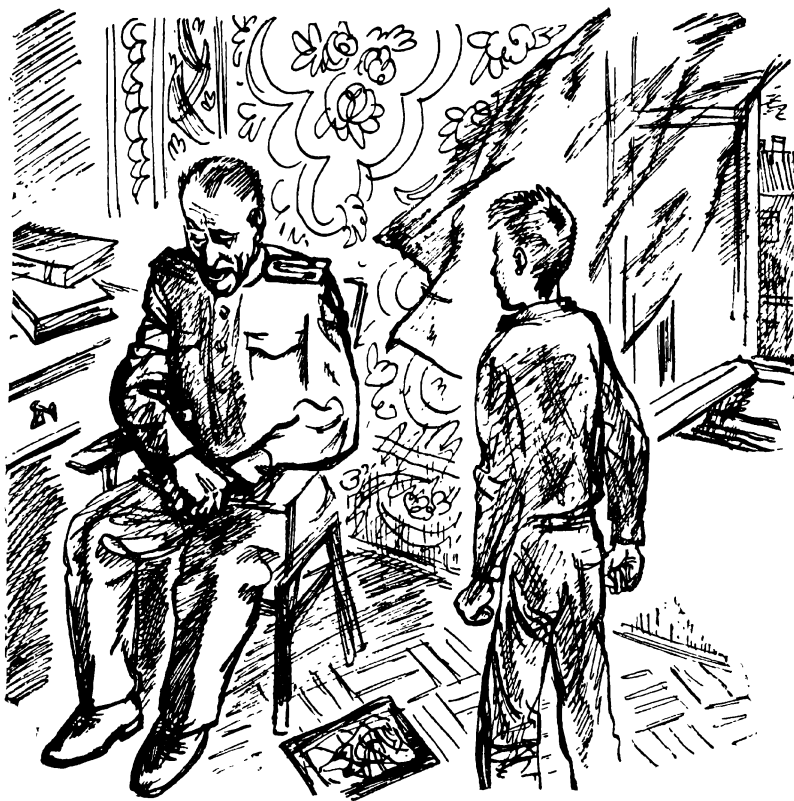
Мы вышли на улицу вместе. Над островом гудели серебряные птицы. Подполковник стиснул в руке перчатки.

— Заходи, — сказал он. — Я кое-что понимаю в махолётах. Со мной Горбовский всем делился.

Я посмотрел в его глаза. Как же он мог говорить такое? Какое он имел право даже произносить фамилию Горбовского?

Он, наверное, догадался, какие мысли вертятся у меня в голове, и отвернулся.

— Если что, заходи всё же, — проговорил он, словно что-то выпрашивал.

И мне опять его стало жалко. Прямо идиотство какое-то.

Я помчался к Китке на мыс Доброй Надежды.

Кит сидел на почтовом камне и смотрел, как на остров катится безбрежная синь воды. Я сел рядом. Ветер дул нам в лицо. Остров плыл по волнам, и за спиной у нас взлетали и садились торпедоносцы.

— Ну? — спросил Кит.

— Эдьку нужно идти выручать, — сказал я. — Он ведь часы на самом деле потерял. Когда мы через поле бежали. Не мог он их никуда деть. А я

его, гад, предал. Отрёкся от него. А мать у него знаешь какая.

— Знаю, однако, — сказал Кит.

Самолёты взлетали против ветра и грохотали над самыми нашими головами. А за спиной у нас плыли вместе с нами в тёплые страны лётчики и техники, их жёны и дети, Киткина прабабушка и Сеня Колюшкин, плыли дома, колодцы и деревья, плыло кладбище и дядя Жора, которого похоронили недалеко от Героя Советского Союза лейтенанта Грома.

ЭТО история необыкновенной собаки. В ней нет ни слова выдумки. Лямпо действительно жил в Италии несколько лет тому назад. О нём знает каждый итальянский мальчишка и каждая итальянская девочка. В своё время о Лямпо много писали газеты, его показывали по телевидению и снимали в кино.

1.

НАЧАЛОСЬ всё с того, что однажды на станции Маритима, что в центральной Италии, ожидали поезд, следовавший из Турина в Рим. Был очень жаркий июльский день. Солнце грело так сильно, что все работники станции попрятались в тень, а пассажиры укрылись в зале ожидания. Перрон пустовал. Только начальник станции, надев форменную фуражку и застегнув на все пуговицы свой китель, вышел встречать прибывавший поезд. Уже слышен был его шум. Вот из-за деревьев, росших возле вокзала, показался сверкающий на солнце краской и лаком локомотив, а следом за ним — длинная цепочка вагонов. Поезд остановился.

Когда в него сели пассажиры, начальник станции поднял руку, давая сигнал к отъезду. И в эту минуту он заметил, что из последнего вагона выскочила какая-то собака.

Она подбежала к начальнику станции и начала ласкаться. Потом, помахав хвостом, огляделась вокруг и, увидев неподалёку помпу, помчалась к устроенному под нею каменному чану, одним прыжком вскочила на край его. Начальник станции с минуту понаблюдал, как жадно лакает она воду, а потом ушёл в свой служебный кабинет.

Он тщательно притворил за собою дверь, снял фуражку и углубился в чтение каких-то бумаг. А немного погодя услышал, что кто-то скребётся. Начальник станции отворил дверь и снова увидел ту собаку.

— Что тебе надо? — улыбнулся железнодорожник. Собака села перед ним, доверчиво глядя в глаза человеку.

— Ну, что тебе надо? — повторил свой вопрос начальник станции. — Небось есть хочешь?

Он пристально оглядел собаку. Это было удивительно милое лохматое существо, похожее немного на шпица, немного на овчарку. Плутовские глаза весело поблескивали. Одно ухо стояло, а другое было опущено вниз. Это придавало собаке смешной и вместе с тем задорный вид.

Начальник станции достал свой завтрак — кусок хлеба с сыром, — покрошил его и угостил собаку. Видно, она была голодна. Ела с аппетитом, но без жадности, как бывает иногда с плохо воспитанными дворнягами. Железнодорожник приласкал собаку. Он почувствовал к ней симпатию и подумал о том, что надо бы заняться ею. Давно уже хотелось ему иметь собаку-друга, которая играла бы с детьми и стерегла дом. Жил он в двадцати километрах от станции Мариттима, возле небольшого полустанка, и поблизости не было другого жилья. «Вот бы ребята обрадовались, если бы я привёз им эту собаку», — подумал железнодорожник.

— Поехала бы ко мне? — спросил он.

В ответ собака негромко твякнула. И вилянула хвостом. Похоже, что она всё поняла.

— Правда, с этим будет немало хлопот, — сказал начальник станции. Он знал, что железнодорожные правила строго-настрого запрещают перевозить животных в вагонах пассажирских поездов. Будучи сам железнодорожником, он тем более не мог их нарушить. И всё же ему очень хотелось забрать собаку с собой. «Надо что-нибудь придумать», — решил начальник станции.

2.

МЕСТНЫЙ поезд из Мариттимы к полустанку возле Приомбино, где жил начальник станции, отходил только вечером. За те несколько часов, которые железнодорожник и собака провели вместе, они успели крепко сдружиться. Пёс ни на шаг не отходил от своего нового хозяина. Он следовал за ним по пятам по всей станции.

Днём оба зашли в буфет. Начальник станции ел полдник сам и угощал четвероногого приятеля.

— Откуда он у вас? — спросил буфетчик. — Славный псина. И морда у него такая симпатичная...

— Да вот приехал римским поездом, — пояснил начальник станции. — Видно, кому-то захотелось избавиться от него — и отравили собаку в путешествие. У людей есть разные способы, чтобы...

— Вы так думаете? — рассмеялся буфетчик. — А билет у него был? — Он подошёл к собаке и протянул ей кусок колбасы.

— Деликатный пёс, — похвалил буфетчик. — Не бросается на еду. Собственное достоинство имеет.

— Умная собака, — подтвердили и другие железнодорожники, сидевшие за столом. — А как звать-то пса?

Начальник станции пожал плечами.

— Я бы назвал его Лямпо, — сказал один из железнодорожников (по-итальянски «Лямпо» — значит «молния»). — Он живой, как искра, глаза у него светятся, а на спине светлая полоса — видите? Настоящая молния, а не собака.

— Идём, Лямпо, — сказал начальник станции. Ему понравилось это имя. Он встал, расплатился с буфетчиком и вышел на перрон. Собака шла за ним, не отставая ни на шаг.

— И что же мне с тобою делать? — спросил начальник станции, обращаясь к Лямпо. — Ведь не могу же я взять тебя с собой в вагон. Это не так просто... Наврёшься на неприятности... Понимаешь?

Лямпо визгнул и посмотрел хозяину в глаза. Морда у собаки была весёлая, словно она улыбалась.

— А может, ты побежишь за поездом? — рассмеялся железнодорожник. — Это же местный. Он тащится, как черепаха. Сумеешь?

Пёс махнул хвостом.

— Договорились, — сказал начальник станции. — Тогда будь наготове. Через несколько минут двинемся.

Он посмотрел на часы и отправился на перрон. Когда поезд подошёл, начальник поднялся в вагон и открыл окно. Лямпо остался на перроне. Он ждал приказа.

«Интересно, поймёт он, что ему надо делать?» — подумал железнодорожник.

Поезд двинулся. Начальник станции высунулся из окна и негромко свистнул. Лямпо сорвался с места и побежал рядом с вагоном.

— Ну и умница! — обрадовался человек. Он махнул рукой и показал собаке направление. Вдоль железнодорожного полотна проходила узкая тропинка. Лямпо вышел на неё и бежал, не отставая, параллельно поезду. Время от времени он поворачивал голову, отыскивая взглядом знакомый силуэт в окне вагона.

— Смелее, Лямпо, смелее! — подбабривал его начальник станции.

Поезд всё больше набирал скорость. Но собака не отставала. Она несколько раз пролаяла, словно желая дать знать своему хозяину, что чувствует себя превосходно и продолжала мчаться, как на бегах. Однако несколько километров такой гонки изрядно измотали пса, и он начал уставать. Ноги у него заплетались, он тяжело дышал.

— Бедняга, — тихо сказал начальник станции, не спуская глаз с собаки, и махнул рукой.

— Хватит! Остановись! — крикнул он.

Пёс послушно остановился, а потом лёг на тропке. Он был очень измучен и чуть дышал.

3.

НА другой день начальник станции вернулся в Мариттиму утренним поездом. Он не очень-то надеялся снова увидеть Лямпо.

«Наверно, где-нибудь заблудился, — подумал он. — А может, кто и прибрал его к своим рукам... Жаль...»

Выйдя из поезда, начальник станции направился в свой служебный кабинет. Первые двери были открыты, как всегда. Он вынул из кармана ключ, чтобы открыть также вторые, внутренние двери, и в этот момент услышал радостный визг. Из угла коридора выскочил Лямпо.

— Ты здесь! — радостно воскликнул начальник. Он прижал голову собаки к себе.

Лямпо ластился и прыгал. Наконец он успокоился и вошёл вместе с начальником в его кабинет.

— Небось голодный? — спросил железнодорожник.

Он развернул свой завтрак, и они закусили — начальник станции и Лямпо, после чего собака улеглась тут же под столом, у ног человека. Она больше не мешала хозяйну, который занялся своими делами.

Около десяти часов через станцию должен был проходить скорый поезд. Одёвнув китель, начальник взял фуражку и вышел на перрон. Лямпо побежал за ним.

Вскоре подошёл поезд. Лязгнули тормоза, и он остановился.

— Мариттима! — крикнул кондуктор. Он высунулся из окна и поприветствовал начальника станции.

— Мариттима! — сказала своей спутнице какая-то девушка, выглянувшая из окна вагона-ресторана. Она вдруг рассмеялась и дёрнула подружку за рукав:

— Взгляни-ка на этого пса! — и показала пальцем.

И в самом деле было на что посмотреть. Начальник станции стоял по стойке «мирно», вытянувшись как струна. Он как раз поднял руку, чтобы дать машинисту сигнал отправления. А возле него... Возле него сидел на задних лапах Лямпо, выставив передние, и у него был удивительно торжественный вид.

— Какая забавная собака, — рассмеялась девушка в окне вагона-ресторана. — В ней столько солидности, словно именно она даёт отправление нашему поезду.

Лямпо залаял. Огромный международный экспресс дёрнулся и начал набирать скорость.

Начальник станции погладил собаку.

— Спасибо тебе, Лямпо, за помощь, — сказал он.

его хозяина. Никто на станции не догадался, что Лямпо приехал туда поездом.

— Ваша собачка? — спросил станционный рабочий.

— Моя, — улыбнулся начальник станции. И зашагал в сторону дома.

— Джина! — воскликнул он, когда дочка открыла ему дверь. — Погляди, кого я к вам привёл.

Девчушка даже зарделась от радости и кликнула брата. Маленький Роберто захлопал в ладоши.

— А как его зовут? — спросил он.

— Лямпо. Это умный и хороший пёс.

Все трое направились в столовую, где мама накрывала стол к ужину. Лямпо вошёл степенно, помахал хвостом, приветствуя хозяйку, и скромно сел возле печи.

— Думаю, у нас с ним не будет никаких хлопот, — сказал глава семейства. — Очень разумный пёс.

И он рассказал его историю. Все слушали её с удивлением и некоторой недоверчивостью, покачивая в сомнении головами. Даже малышка Аделе высунулась из своей кровати и внимательно вслушивалась в то, о чём рассказывал папа.

— Собачка! Собачка! — воскликнула она, подпрыгивая и ударяя в ладошки.

Все сели ужинать. Лямпо ел, деликатно принимая подаваемые ему куски. Он не спешил, не выражал нетерпения. Поев, помахал хвостом, словно хотел поблагодарить за ужин. Потом выглянул за дверь.

— Хочешь прогуляться? — спросил хозяин. — Правильно.

Он вынул сигарету, закурил, вышел вслед за собакой. И был крайне удивлён, увидев, что Лямпо помчался к станции.

В это время к Пиобино как раз подходил последний поезд на Мариттиму. Поезд остановился. Лямпо подбежал к перрону, покрутился возле последнего вагона и вдруг, сделав прыжок, очутился на подножке. Поезд тронулся.

— Лямпо! — крикнул удивлённый хозяин. Он видел, что пёс уже нашёл себе удобное местечко на вагонной площадке.

— Лямпо! — крикнул хозяин ещё раз.

Но собака не спрыгнула. Красный глазок над буфером последнего вагона удалялся всё быстрее и вскоре совсем исчез в темноте.

4.

В ТОТ ЖЕ самый день начальник станции нарушил железнодорожные предписания. Вечером, когда к станции подошёл местный поезд, он спрятал пса под блузой и вместе с ним сел в вагон. Ему удалось найти свободное купе. Лямпо сразу понял, что к чему. Он влез под скамейку и сидел там тише воды, ниже травы до конца путешествия. Когда подъехали к Пиомбино, он безропотно позволил высадить себя на другую сторону пути, а как только поезд отошёл, быстро нагнал сво-

5.

НА следующее утро, отправляясь на службу, начальник станции размышлял о бегстве своего четвероногого друга. Ошибся он в нём. И это было очень неприятно. «Станный пёс, весьма странный». Начальник станции припомнил, как Лямпо появился в Мариттима. Откуда он приехал?.. «Бродяга, не иначе...»

Начальник задумался. Да, это был необыкновенный пёс. Совсем не такой, каких он привык видеть каждый день. Ведь собаки не путешествуют сами по железной дороге. А эта...

Но особенно удивительным было то, что Лямпо поспел на последний ночной поезд. Откуда он знал, в котором часу надо выйти из дома?

«Неужели он знаком с расписанием поездов? — ухмыльнулся железнодорожник. — И почему сбежал от меня? Куда поехал?»

Трудно было найти ответы на все эти вопросы. Удивительная история. Если бы рассказать её кому-нибудь, то отнесли бы к ней с недоверием. Подумали бы, что сказка.

Поезд подошёл к Мариттиму. Начальник станции вынул из кармана ключи, направляясь к станционному зданию. Но он ещё не успел дойти до него, как двери открылись и из-за них выскочил Лямпо. Он летел навстречу, как настоящая молния. Подбежав к хозяину, сел на задние лапы и начал служить. На его морде было написано такое плутовское выражение, что начальник станции невольно разразился смехом.

— Так, значит, не сбежал? Караулил мой кабинет, да?

Лямпо повилась хвостом.

— В таком случае прощаю тебе всё, — шутилым голосом сказал начальник. — Что поделаешь: служба есть служба.

Он потрепал Лямпо, который не переставал ласкаться.

— Ну, ладно, ладно. Всё хорошо. Я уже больше не сержусь. Ни чуточки. Понимаешь?

— Сообразительная псина, — подал свой голос дежурный диспетчер, который как раз вышел из своего служебного помещения. — Вы знаете, ведь он всю ночь нёс вахту в коридоре, под дверью вашего кабинета. И никому не разрешил отогнать его.

Начальник станции открыл было рот, чтобы рассказать коллеге о том, как Лямпо сам сел в поезд и вернулся в Мариттиму, но вовремя воздержался.

«Никто всё равно в это не поверит», — подумал он.

6.

ТАК стало обычаем, что Лямпо каждый день вечером отправлялся со своим хозяином в Пиомбино на ужин. Путешествие это он обычно совершал под скамейкой, ничем не выдавая своего присутствия в вагоне. На станции сам выскакивал на противоположную сторону железнодорожной насыпи, и начальнику не было с ним никаких хлопот.

Дети уже поджидали гостя. Они визжали от радости, когда Лямпо входил в дом. При виде своих маленьких друзей он тоже проявлял столько радости, что трудно было не любить его. Особенно сильно привязался к Лямпо Роберто. Он ласкал его и холил, учил разным штукам-трюкам. Во время ужина пёс всегда сидел рядом с его стулом. Малыш отдавал ему самые лакомые кусочки.

— Почему он не хочет у нас жить? — допытывался Роберто у отца. — Ведь ему здесь так хорошо...

— Это пёс-железнодорожник, — смеялся начальник станции. — Он должен сторожить мой кабинет.

— Ну хотя бы на воскресенье мог бы он у нас остаться? — не сдавались дети.

— Попросите его. Может, поймёт и останется, — шутил отец. — Попробуй растолковать ему это.

Однако Лямпо оказался несговорчивым. Каждый день после ужина в одно и то же время он срывался с места и прощался с хозяевами. Пробовали запираť дверь — не помогало. Он тогда начинал метаться, визжать и, бросаясь на щеколду, старался открыть дверь. Дети вынуждены были смириться. Они сами выпускали собаку из дома.

Лямпо ни разу не опоздал на поезд. Возможно, что он раньше всех слышал его приближение. Во всяком случае, он выбегал из дому столь пунктуально, словно где-то в брюхе у него был спрятан будильник. Начальник вместе с детьми провожал его на станцию, но через некоторое

время перестал делать это. Он уже отлично знал, что пёс и без его помощи попадёт на поезд.

Каждое утро Лямпо поджидал своего хозяина возле его служебного кабинета. Он приветствовал начальника станции с настоящей собачьей сердечностью, вместе с ним входил в кабинет и там съедал привезённый ему завтрак. Некоторое время ещё сидел, наблюдая, как хозяин берётся за работу, а потом отправлялся в обход станции.

— Ого, Лямпо приступает к дежурству! — смеялись железнодорожники. Все уже знали его, и он стал общим любимцем, вызывавшим гордость.

Да, это был удивительный пёс. Он крепко привязался к людям и, наверно, в самом деле считал себя работником железной дороги. Лямпо любил свою станцию. Она стала для него домом. Не было такого закутка, которого бы он не знал. Каждое утро, выйдя из кабинета начальника, он не торопясь проходил вдоль длинного перрона под стеклянной крышей. На перроне всегда кружилось много пассажиров, но Лямпо не обращал на них ни малейшего внимания. Это были люди, не одетые в железнодорожную форму, и потому он не признавал их.

— Лямпо! — звали собаку станционные рабочие, которые, вооружившись инструментом, отправлялись для производства путевых работ. — Пойдёшь с нами?

Он махал хвостом и отправлялся с ними. Когда приходили на место, Лямпо садился в сторонке и наблюдал, как рабочие подкручивают болты на рельсах. А частенько и помогал им.

— Отнеси ключ, — говорили ему. — Вон туда.

И давали ему инструмент, который нужен был товарищу. Тот стоял с вытянутой вперёд рукой.

Лямпо брал в рот ключ или молоток и относил его куда надо. Сперва люди не могли надивиться его сообразительности, а потом привыкли к помощи четвероногого приятеля. Только пассажиры с проезжавших мимо поездов, видя собаку за работой, раскрывали от удивления рты.

В полдень Лямпо отправлялся обедать в буфет. Там его ожидала приготовленная ему порция пищи, которую он съедал аккуратно, не пачкая вокруг. Лямпо знал, что у него нет времени на долгий послеобеденный отдых. В тринадцать часов на станцию прибывали два встречных скорых поезда. Это был торжественный момент. Начальник станции надевал фуражку и выходил на перрон. Лямпо никогда не упускал случая сопровождать его. И надо видеть, с какой важностью и серьёзностью держался он при отправлении поезда. Однажды начальник замешкался и чуть не опоздал выйти на перрон. Лямпо устроил возле его кабинета такой шум, что бежалось полстанции. Да, на такого пса можно было положиться.

— Придётся купить тебе фуражку, Лям-

по, — смеялся начальник. — Хороший железнодорожник из тебя будет.

И он купил собаке... нарядный ошейник. А станционный столяр сделал ящик с лежанкой. Его поставили в коридоре, возле дверей в служебный кабинет начальника станции, где Лямпо и ночевал.

На станции жило несколько бездомных собак и кошек, которые проводили ночи в одном из сараев, а под крышей гнездились сизые голуби. Никто не преследовал, не прогонял их, иногда их подкармливали. Но ни кошки, ни птицы не входили в состав рабочей бригады, обслуживавшей станцию. А Лямпо входил.

7.

ЛЕТО кончилось. Цветы на железнодорожной насыпи поблёкли, стали увядать.

Лямпо нёс свою службу деловито, как всегда. Только стали замечать, что с некоторого времени он всё реже появлялся в буфете. Неужели не нравилась еда, которую ему там давали?

— Может, его подкармливают пассажиры? — высказал предположение буфетчик. — Ему было обидно, что Лямпо пренебрегает его кухней.

— Ещё, глядишь, кто-нибудь отравит его, — сказал он начальнику станции в другой раз. — Вы присматривайте за ним лучше.

— Что это тебе в голову пришло? — удивился начальник. Но мысленно решил не пренебрегать сделанным предостережением.

Он стал более тщательно следить за своим питомцем. Нет, Лямпо не принимал никаких угощений ни от чужих детей, ни от взрослых. А стало быть, где же он подкармливался, коль не шёл в буфет?

И вот однажды в полдень загадка решилась. Лямпо всегда выбегал встречать полуденный экспресс. Начальник станции в это время обычно сидел в своём кабинете у телефона, а поезд отправлял его заместитель.

Лямпо не принимал участия в этой церемонии. Ему не хотелось служить с вытянутыми лапами. Он выкидывал эту штучку лишь тогда, когда встречал и отправлял поезда со своим хозяином. Но почему же он так спешил к полуденному экспрессу?

Заместитель начальника станции обратил внимание на то, что пёс, ожидая этот поезд, сидел всегда на противоположной стороне железнодорожного полотна. Вагоны, останавливаясь, заслоняли его на несколько минут. И что же он в это время делал?

В тот день начальник станции, чтобы не спугнуть Лямпо, спрятался в маленькой будке по другую сторону пути. Подъехал экспресс. Лямпо трусцой побегал в сторону вагона-ресторана. Сел, вытянул передние лапы и отрывисто тявкнул. Окно опустилось. В нём появилась голова в белом поварском колпаке.

— Ты здесь? — улыбнулся повар. И бросил собаке порцию заранее приготовленных лакомств. Лямпо принялся за еду.

Начальник станции, сидевший в будке, подался ещё дальше в тень. «Нельзя запретить собаке есть то, что ей больше нравится, — подумал он. — А этот Лямпо — ловкач что надо. Однако честный пёс», — тут же оправдал он своего любимца.

Начальник решил никому не говорить о том, что увидел. Ещё, чего доброго, буфетчик рассердится на пса...

«Нет, всё-таки, пожалуй, скажу, — пере-

думал он минуту спустя. — Пусть стараются готовить пищу получше. А то наш станционный буфет давно уже не печётся о качестве блюд, как надо».

8.

То, что случилось неделю спустя, взбудоражило всю станцию. Лямпо пропал. Начальник станции искал его повсюду. А когда убедился, что собаки нет на станции, пошёл к знакомому виноградарю. Но

тот клялся и божился, что ничего не знает. Путейские рабочие, которые в тот день выходили на самый дальний участок, по дороге перетрясли все заросли кустарника, росшего вдоль насыпи. И — никакого результата.

— Может быть, Лямпо поехал в Пиомбино? — утешал глубоко огорчённого начальника его младший коллега.

— В такое неурочное время? — недоуменно пожал плечами начальник. — Так он ведь ездит туда со мной каждый день по вечерам.

— Ну, а разве не мог он соскучиться по детям? И разве не могло ему захотеться провести с ними весь день?

Да, такое было возможно. И начальник станции немного успокоился. Вечером, исполненный надежд, возвращался он домой. Но оказалось, что и в Пиомбино собаку никто не видел.

— Что могло с ней случиться? — спрашивали дети. Они были опечалены и разочарованы, потому что Лямпо не приехал, как обычно, вместе с отцом.

— Не знаю, что могло случиться, — громко и печально ответил отец.

Ужин в тот вечер никому не доставил удовольствия. Маленький Роберто тихо всхлипывал в углу. Джина непрерывно мяла свой фартучек. Даже у мамы испортилось настроение.

Утром дети проводили отца на станцию. Он поцеловал каждого из них сердечней, чем обычно.

— Нос кверху, слышите? — сказал отец. — Привезу я вам его сегодня.

Однако в душе он вовсе не был уверен, что сможет выполнить своё обещание. Сердце у него громко стучало, когда он подъезжал к Мариттиме. Начальник станции прыгнул с подножки вагона и поспешно направился к станционному зданию. Встретивший его у дверей заместитель только развёл руками.

— Нет его, — коротко сообщил он.

Начальник вошёл в свой кабинет. И лишь теперь в полной мере ощутил, сколь тягостна горесть, всё сильнее и сильнее охватывавшая его. Он снова вышел на перрон.

Железнодорожники кружились по вокзалу, как обычно. Но их покинуло желание отпустить налево и направо весёлые шутки.

— Дай мне стакан вина, Пьетро, — угрюмо сказал начальник станции, входя в буфет.

Он выпил поданное ему вино. Но на душе спокойней от этого не стало.

В полдень к станции подкатил скорый поезд из Турина. Начальник встречал его на своём обычном месте. Он как раз поднёс руку к козырьку фуражки, чтобы ответить на приветствие знакомого кондук-

тора, когда на перроне раздался лай. Из открытых дверей последнего вагона выскочил Лямпо...

Поезд уже ушёл, а начальник станции всё никак не мог успокоиться. Сперва он грозно нахмурился, а потом схватил собаку на руки и прижал к себе. Опустил её на землю и опять нахмурился.

— Где это ты бродяжничал? — строго спросил он.

— Ездил в Турин, — пояснил чей-то голос. — И вот вернулся, как видите.

— Ты что, брал его с собой, что ли, Эдуардо? — удивился начальник станции.

Эдуардо, электротехник, которого он отправил вчера в Турин, улыбался.

— Никак нет. Когда я сел в поезд, то увидел только, как Лямпо вскакивает в последний вагон. Я даже удивился...

— Мог бы позвонить к нам из Турина и сказать, что видел его, — обрушился на электротехника начальник станции. — Для чего же телефон существует? А мы тут ходили как в воду опущенные.

— Откуда же я мог знать? — развёл руками Эдуардо. — Но, между прочим, я присматривал за ним. И не дал бы ему потеряться. Однако он сам знал, когда возвращаться надо, — рассмеялся электротехник. — Или ему это не в первый раз? Влез в обратный поезд без моей помощи. Ну, и без билета, разумеется. Такой ловкач!

9.

О НЕОБЫКНОВЕННОМ путешествии Лямпо в Турин и его благополучном возвращении стало известно не только на станции. Железнодорожники, гордясь своим другом, расписали его похождения жителям местечка. И вот на вокзал стало приходить всё больше и больше любопытных.

— Дворяня, обыкновенная дворяня, — удивлялись некоторые синьорины. Они полагали, что столь умный пёс должен быть непременно чистейшей породы, этаким аристократом среди четвероногих, в жилах которого течёт собачья голубая кровь.

— Это не имеет никакого значения, — солидно заметил аптекарь. — Дворяня — они и есть самые умные. У меня была одна такая...

Лямпо снова «осел» на станции. Как и раньше, он аккуратно «нёс службу» — помогал рабочим и сторожил служебный кабинет своего хозяина. А вечером отправлялся с ним ужинать в Пиомбино. Его уже хорошо знали и на той станции.

Никто не ожидал, что собаке когда-нибудь вновь придёт в голову отправиться в неизведанное. Ведь ей так хорошо жилось в Мариттиме! Но... в один из дней она опять исчезла.

Рис. Г. Ясинского

(Окончание следует)

Здесь был Владимир Ильич...

Первая марка с портретом Ленина появилась в январе 1924 года. С той поры, за сорок четыре года, было издано несколько сот почтовых знаков с изображением Владимира Ильича, репродукциями картин с эпизодами из его жизни и революционной работы... Художники воспроизвели на красочных миниатюрах ленинские места, где жил великий вождь трудящихся. Раскроешь альбом с такими марками, и перед тобой предстанет вся биография Ильича, начиная с его детских лет и кончая той порой, когда Ленин стоял во главе первого в мире социалистического государства.

Ленинские марки издавались и продолжают выпускаться не только в Советском Союзе, но и во многих других странах.

Чехословацкая почта в своё время выпустила продолговатую марку, на которой виден фасад большого здания. Дом этот был построен ещё в прошлом веке. Если вам когда-либо доведётся попасть в столицу Чехословакии, то здесь вам каждый укажет, где находится здание, изображённое на марке. И не удивительно... Стоит вам показать любому пражанину этот почтовый знак, как он сразу же скажет:

— Это наш музей Ленина... Отправляйтесь на Гибернскую улицу, там и найдёте этот дом.

Пражане не случайно создали в этом здании свой замечательный музей. Ещё до революции здесь был Ленин. Пятьдесят шесть лет назад, в 1912 году, в Прагу тайно съехались на конференцию делегаты Российской социал-демократической рабочей партии. Приехал и Владимир Ильич, который руководил работой конференции. А происходила она в доме, который изображён на марке.

Чехословацкая почта издала ещё один почтовый знак. На нём графики воспроизвели уже не самый исторический дом, а комнату, в которой заседали русские революционеры. Когда я получил от одного чешского коллекционера две марки, о которых рассказал выше, то вспомнил, что у нас в Ленинграде находится делегат Пражской партийной конференции. Это старый рабочий Обуховского завода (ныне он называется «Большевик») Евгений Петрович Онуфриев.

Этого необыкновенно доброго и отзывчивого человека я знал уже давно. Вот и решил навестить старика и преподнести ему сюрприз. Хотя Евгений Петрович и не филателист, но наверняка обрадуется двум маленьким маркам. Ведь они напоминают ему о далёких годах молодости, когда он, питерский рабочий, приехал делегатом на Пражскую конференцию, где не только встречался с Лениным на заседаниях, но почти две недели жил с ним вместе на квартире у одного чеха.

И вот я у Евгения Петровича. Попили чайку, поговорили, а уж потом я, как бы невзначай, вынул из записной книжки две марки. Онуфриев не обратил никакого внимания на них. Я ему говорю:

— Полюбопытствуйте, Евгений Петрович...

Старик вынул очки и посмотрел на марки. Вначале равнодушно, а потом вижу, что разволновался Евгений Петрович и, чтобы лучше разглядеть марки, подошёл вплотную к окну.

— Хоть и давно это было и память малость ослабла, но этот дом, и эту комнату, где заседала конференция, и ещё другую комнату, где стояли две кровати, где я жил с товарищем Лениным, не забуду никогда. Похоже, что дом, где происходила Пражская конференция, остался таким же, как и в тысяча девятьсот двенадцатом году. А комната и её обстановка, где мы заседали, тоже нисколько не изменились. Удивительное дело: так мала эта марка, а как сильно она меня всколыхнула! Гляжу на неё и словно вижу комнату, где за столом сидят делегаты. И среди них представляется мне Ленин. Вот здесь он сидел... — И Евгений Петрович, осторожно касаясь пальцем, показывает мне на место у стола, изображённого на марке.

— Днём я его видел здесь, а вечером — в комнатухе у чешского рабочего. Я долго думал, почему именно меня избрал Владимир Ильич в свои сожители на время, покуда работала наша конференция. А ларчик просто открывался. Ведь Ленин в то время из-за преследования царской охраны вынужден был жить за границей. Многие из делегатов тоже были революционными эмигрантами. А я приехал из Петербурга. Ленину важно было почаще общаться с питерским рабочим, беседовать с ним, узнать, как живёт, о чём думает трудовой люд царской столицы... Вот почему я стал соседом Ленина в пражской комнатухе.

Много рассказывал Евгений Петрович о Пражской конференции, о выступлении Ильича, о его напутствиях, когда Онуфриев перед возвращением в Россию, прощался с ним.

— Правильно сделали чехословацкие друзья, что именно в этом доме открыли музей Ленина. Может, соберусь и наведаюсь в эти милые моему сердцу места...

Я прощаюсь со стариком. Евгений Петрович говорит:

— А марки-то забыл на столе...

— Это вам на память, Евгений Петрович...

Старик крепко потряс мою руку, вынул свой партийный билет и положил туда целлофановый конвертик с дорогим для него подарком.

Через год я снова получаю из Праги письмо. Гляжу — на конверте опять те две марки, какие я подарил Евгению Петровичу. И как вы думаете — от кого я получил письмо? Да от самого Онуфриева... Оказывается, чешские коммунисты пригласили ста-

роgo русского большевика к себе в гости. Побывал он, конечно, в Пражском музее Ленина. И вот оттуда, вспомнив обо мне, и прислал письмо.

...До Великой Октябрьской социалистической революции Владимиру Ильичу и Надежде Константиновне довелось около двух лет жить в Польше. Тогда Польша ещё не была независимым государством, и места, где жил Ильич, входили в территорию Австро-Венгрии. Минуло полвека с того времени, и польская почта выпустила в память пребывания Ильича в Польше серию из трёх почтовых марок.

Давайте приглядимся к ним, о чём расскажут нам три небольших почтовых знака? На первой марке художник поместил портрет Владимира Ильича того далёкого времени. Всмотритесь в этот портрет. Вспомните, что Ленин жил в Польше ещё до Великого Октября. В России всё хуже и хуже живётся рабочим и крестьянам. Царские жандармы жестоко расправляются с революционерами. Но Ленин знает, что уже недолго существовать царю, помещикам и капиталистам. На лице Владимира Ильича уверенность в том, что приближающаяся революция победит, обязательно победит. Таким энергичным, волевым, полным веры в силы народа и его партии изобразил товарища Ленина польский художник.

А вот и вторая марка этой интересной серии. На ней опять мы видим портрет Ильича, а на заднем плане прочерчиваются контуры какого-то старинного города. Это древняя столица Польши — Краков. Здесь некоторое время жил Ленин, а затем, переехав в другое место, часто навещал этот красивый город. В Кракове много старинных зданий. Владимир Ильич часто любовался архитектурой старых польских зодчих.

Возьмите лупу, и сквозь неё вы увидите зубчатую стену краковского барбакана, сохранившегося до наших дней. Барбакан — это защитное военное укрепление. В случае нападения отсюда вели огонь по врагу. Теперь город разросся, и барбакан оказался чуть ли не в центре, а раньше находился на его внешнем обводе.

А что за здание виднеется слева? Это знаменитое «Сукеннице», построенное больше полуторы тысячи лет назад. Здесь обитали краковские суконщики, чья добротная материя славилась на всю Европу. На самом заднем плане видна башня. У неё тоже несколько веков за плечами. Это башня древнего Марноцкого костёла.

Ещё более интересна третья марка. Горы, изображённые на ней, — Татры. Весной 1913 года неожиданно заболела Надежда Константиновна. Врачи, лечившие её, убедительно советовали как можно скорее на несколько месяцев выехать из большого города и поселиться в деревенской местности. Вот тогда-то Ленин и Крупская расстались с Краковом. Для переезда был выбран вначале

небольшой городок Поронин. А неподалёку от этого городка, в предгорьях Татр, находилась живописная деревушка Белый Дунаец. Посмотрите ещё раз на эту марку, и вы увидите дом, принадлежавший крестьянке Терезе Скупень. Вот в этом доме и поселились Владимир Ильич и Надежда Константиновна.

★

Ленин был изумительным ходоком. Не зная устали, в свободное от работы время он многие часы проводил на прогулках в живописных окрестностях Белого Дунайца. Забирался высоко в горы, бродил по лесам, зеленеющим на пологих склонах, гуляя и играя с польскими ребятишками. Вот почему польский мастер изобразил Ленина с палкой в руке, отправляющимся в очередную прогулку.

...Из всех городов Германской Демократической Республики больше других запечатлён на марках древний Лейпциг. Много веков назад здесь стали проводить большие ярмарки, на которые съезжались купцы из многих стран Европы. Часто здесь бывали и бородатые купцы из Московии, как называли тогда иностранцы нашу страну. Эти ярмарки проводятся и поныне. К открытию каждой такой ярмарки почта ГДР выпускает специальные марки. Ежегодно, да еще по два выпуска, потому что ярмарки проводятся весной и осенью. Вот почему так много изображений города Лейпцига на почтовых знаках.

Мы помещаем сегодня марки с двумя очень старинными зданиями. Они сохранились до наших дней. А неподалёку находится дом, который очень дорог для трудящихся всего мира, и особенно для нас, советских людей. Здесь в самом начале века печаталась на тончайшей бумаге газета «Искра». Основал эту революционную газету товарищ Ленин и был одним из её самых активных сотрудников. Почему она печаталась на самой тонкой бумаге, вы, наверное, уже догадались. Газета издавалась в Германии, а предназначалась для России, для русских рабочих и крестьян, для русских революционеров. Чем тоньше бумага, тем легче газета, тем меньше места занимает она, тем легче тайно провезти её через границу в Россию.

★ На первой странице ленинской «Искры» были напечатаны слова из стихотворения декабриста Одоевского: «Из искры возгорится пламя...» ★

Ленин поставил эти пророческие слова на газетной странице, глубоко веря, что и эта, отпечатанная на тонкой бумаге, небольшая газета поможет раздуть пламя мировой революции. Так оно вскоре и произошло.

В заключение я расскажу вам ещё об одной ленинской марке, которую выпустили в далёкой африканской республике Конго (Браззавиль). Владимир Ильич побывал в Англии, Франции, Финляндии, Польше, Чехословакии... В Африке он никогда не был. Но мы рассказываем о конголезской марке потому, что это первая марка с портретом Ленина, изданная в Африке.

Конголезский художник Монвуазин изобразил на почтовой миниатюре Зимний дворец и праздничную демонстрацию на Дворцовой площади. В овале — портрет Ленина.

Студент из Браззавиля Чаг Жармо учится в Советском Союзе. Он получил письмо из дому с ленинской маркой и осторожно снял её с конверта. Достав кусочек прозрачной пластмассы, Жармо приклеил к ней марку и превратил в оригинальный значок. С гордостью носит он его на своей тужурке.

— Это наш Ленин. Благодаря ему я учусь в Советском Союзе. Это наш Ленин. Он разбудил десятки народов Африки, поднял их на борьбу против колониалистов. Нет дорожке этой конголезской марки.

Э. МИРОНОВ

АТАКУЕТ КАШАЛОТ...

Интересная история произошла с китобойным судном «Циклон». Флотилия промышляла кашалотов в северной части Тихого океана. С «Циклона» заметили крупного кашалота и пошли на сближение с ним. Прогрессивный выстрел гарпунной пушки, и... тут случилось неожиданное. Разъярённый морской гигант, длиной около 12 метров, сделал разворот и бросился на китобойца.

Сильнейший удар головы кашалота пришелся в борт. Таран был настоль-

ко мощным, что судно легло на борт и на нём вышли из строя двигатели. Отремонтировать их в море не удалось. Пришлось «Циклону» возвращаться во Владивосток на буксире.

АРЕСТОВАЛИ... ОРЛА!

Это случилось в узбекском городе Намангане. Летая над привокзальной площадью, орёл заметил рядом с шашлычной большой таз с бараниной.

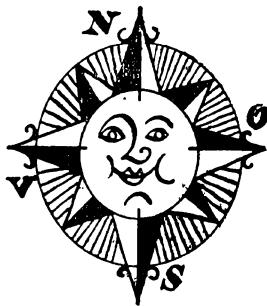
Хищник сделал круг над площадью и точно спикировал на мясо. Не обращая внимания на людей, он принялся завтракать. Вот тут-то бдительный участковый и накрыл вора плащом. В отделении милиции орёл вёл себя смирно, никакого сопротивления властям не оказывал. Это, видимо, было учтено как смягчающее вину обстоятельство, и «царю птиц» вернули свободу.

ОНИ ЖИЛИ 40 ТЫСЯЧ ЛЕТ НАЗАД

На острове Борнео (Индонезия) обнаружены следы человека, жившего более 40 тысяч лет тому назад. В пещере Ниа, на глубине 6 футов, найден череп человека.

Раскопки были начаты в 1954 году и продолжаются вот уже более 10 лет. При раскопках кроме костей человека найдены различные инструменты, глиняные изделия и другие предметы, свидетельствующие о высоком уровне цивилизации живших там людей.

По определению учёных, расцвет культуры древнего человека в этом районе Борнео относится к V веку до нашей эры.

ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ, ЧТО...

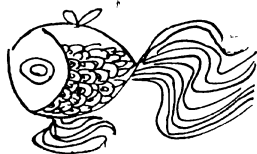
...залив Сиваш называют Гнилым, или Мёртвым, морем? Это уникальная минеральная сокровищница, гигантская природная солевая варня. Неисчерпаемые запасы жидких полезных ископаемых беспрерывно пополняются притоком вод Азовского моря. Сейчас Сиваш в центре внимания химиков. Он занимает площадь в 2,5 тысячи квадратных километров. Как установили геологи, Сиваш образовался 800—850 лет назад.

...в Эфиопии буква «А» в алфавите находится не на первом месте, а на тринадцатом?

...на глубине 8 километров живут рыбы? Французский океанограф Жан-Мария Перес, который погружался в батискафе на глубину 7300 метров, ви-

дел рыб. Он различил их по крайней мере пять различных видов. Один из его коллег обнаружил рыб даже на глубине 8100 метров!

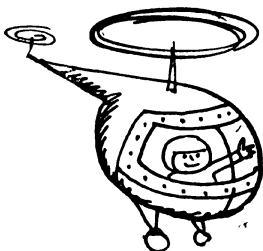
...наш город расположен в центре озёрного края? Недалеко находятся крупнейшие озёра Европы — Ладожское, Онежское, Чудское, Ильмень и тысячи других, более мелких. Все они образовались 10—15 тысяч лет назад и являются остатками огромных водоемов, которыми была покрыта почти вся территория Северо-Запада после отступления древнего ледника.

...в кишлаке Ямг в Вахшской долине Памира есть удивительный «дом-книга»? Переступив порог этого дома, куда ни взглянешь — стихи! Затеяливой арабской вязью написаны и вырезаны строки из классической таджикско-персидской поэзии. Немало здесь стихов и поэтов-памирцев. Этот «дом-книгу», возраст которого перевалил за сто лет, построил местный плотник Алимад. Инструментами его были лишь топор и долото. Расписывал художник-самоучка Абдумунталиб. В наши дни этот удивительный дом стал своеобразным клубом местных жителей.

...учёным при помощи нового радиолокационного метода удалось определить толщину ледового панциря? В Антарктиде, в районе Мирного, наибольшая глубина ледового слоя оказалась больше 1800 метров. При помощи нового метода стало возможным измерять толщину ледников с самолёта или вертолёта.

...балалайка размещается в... мановом зёрнышке? Знаменитый народный умелец, агроном по профессии, Н. Сядристия из Ужгорода, разрезал мановое зерно пополам. В одной половине поместил футляр, в котором лежит балалайка. Это точная копия инструмента со всеми деталями. Корпус его деревянный, струны рубинового цвета, в 40—50 раз

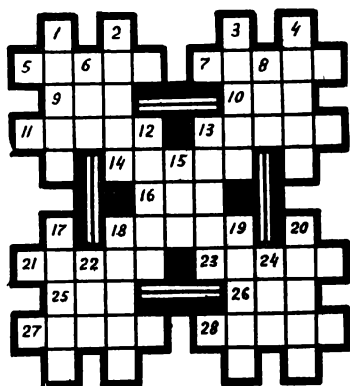
тоньше человеческого волоса. В другую половину зерна вставлено стекло. На нём портрет исполнителя-виртуоза на балалайке В. Андреева.

...кремлёвские звёзды все разные по размеру, форме, рисунку? Размах их лучей колеблется от 3 до 3,75 метра. Эта разница определена высотой и архитектурным обликом каждой башни. Весят звёзды от тонны до полутора каждая. Остов их покрыт четырьмя слоями стекла: молочным, хрустальным, рубиновым и снова хрустальным. Внутри горят лампы накаливания мощностью до 5 тысяч ватт. Имеется и специальная система защиты от пыли, снега, обледенения и даже... птиц. Чтобы птицы не садились на звёзды, горизонтальные лучи оснащены иглами.

КРОССВОРД

Составил Р. МУХАРЯМОВ, Волгоград.

По вертикали. 1. Государство на северо-востоке Африки. 2. Плодовое дерево из семейства цитрусовых. 3. Узбекский советский поэт. 4. Общеобязательное правило, установленное государственной властью. 6. Река, впадающая в Азовское море. 8. Участок земли, засаженный плодовыми деревьями, кустами и пр. 12. Город в Эстонской ССР на берегу одноимённой реки. 13. Мелководный

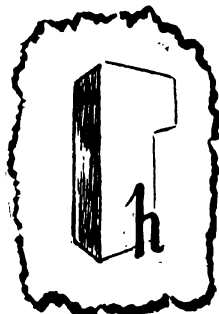
залив в затопленном море устье реки. 15. Герой трагедии В. Шекспира. 17. Знак нотной записи, отменяющий действие диеза или бемоля. 18. Победённый Геркулесом герой древнегреческого мифа. 19. Пластика свежего слоя древесной коры. 20. Молдавский советский поэт. 22. Автор книги «Десять дней, которые потрясли мир». 24. Геометрическое тело.

По горизонтали. 5. Произведение И. С. Тургенева. 7. Заяц, не меняющий зимой своей окраски. 9. Жилая постройка. 10. Жидкость, применяемая для придания блеска обрабатываемой поверхности. 11. Правило, норма. 13. Русский композитор, автор симфонического произведения «Кикимора». Народное сказание для оркестра». 14. Рассказ А. П. Чехова. 16. Город на реке Тибр. 18. Работа всей команды на судне. 21. Млекопитающее из отряда парнокопытных. 23. Столица Кара-Калпакской АССР. 25. Водное млекопитающее. 26. Древесная порода. 27. Форма грамматического имени, отражающая отношение его к другим словам в речи. 28. Приток Иртыша.

ХИТРЫЙ РЕБУС

Хоть этот ребус и назван хитрым, но разгадать его не так трудно...

Не догадаетесь ли вы, какую возможность упустил составитель ребуса, то есть — как можно сделать этот ребус ещё хитрее?

Отдел ведёт В. Аментьев

ШАРАДА

Прислала Оля УЛЬМАШЕВА

Первое — предлог,
Вторым — капусту рубят.
А целого стрелки
Боятся и не любят.

СВЕРХУ ВНИЗ...

Напишите столбиком, одно под другим, шесть слов:

1. Юношеское произведение М. Ю. Лермонтова.

2. Дачный посёлок, находившийся некогда в десяти верстах от Петербурга, а теперь вошедший в черту города.

3. Небольшой общественный сад.

4. Самолёт с тремя несущими плоскостями (крыльями).

5. Город — районный центр Гродненской области БССР.

6. Герой гражданской войны.

Подбирая слова, имейте в виду, что первые и последние их буквы при чтении сверху вниз должны составить имена кораблей знаменитой экспедиции Беллинсгаузена и Лазарева.

Проверь себя

(Ответы и «Искорие» № 2)

КРОССВОРД

1. Срок. 2. Карнавал. 3. Бант. 4. «Трубадур». 5. Ласт. 6. Тростник. 7. Свет. 8. Ватерпас. 9. Грин. 10. Вагранка. 11. Барс. 12. Аэростат. 13. Изба. 14. Заросток. 15. След. 16. Сомбреро.

ГОЛОВЛОМКА

Как глядишь, так и видишь.

ПЛЕТЁНКА

По горизонтали. Пушкин, Лесков, Надсон, Крылов, Гаршин, Герцен. По вертикали. Есенин, Леонов, Ошанин, Маршак, Сурков, Панова.

ИОИСК ЗАКОНОМЕРНОСТИ

Девятый член ряда будет точно такой же, как первый.

Содержание

Четыре странички. Рассказ Б. Раевского	1
В этом доме, в Москве, на Смоленской... Очерк И. Князевой	8
Футболист. Стихотворение Олега Шестинского	15
Подснежники. Повесть А. Власова и А. Млодика	16
Земля и глобус. Стихотворение Е. Серовой	28
Дятел. По грибы старик собрался... Рыба-луна. Стихи В. Шульжика	29
Не хочу от вас уезжать. Главы из повести В. Воскобойникова	30
Мой друг. Стихотворение В. Фетисова	41
Тимкины крылья. Окончание повести К. Курбатова	42
Ляпко. Повесть Романа Писарского	50
Здесь был Владимир Ильич. Статья Э. Миронова	57
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят	63

На 2-й странице обложки иллюстрация художника В. Бескаравайного к рассказу «Четыре странички».

На 3-й странице обложки — марки Ленинины.

На 4-й странице обложки рисунок художника А. Курушина «Космические новосёлы».

Редактор

В. Л. БИАНКИ

Адрес редакции: Ленинград, Д-23. Фонтанка, 59, комн. 115

Слано в набор 26/II 1968 г. Подписано к печати 16/IV 1968 г. 4 печ. л. М-30653. Заказ № 448. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 69 900 экз.

Типография имени Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

Цена 10 коп.

